

АННА ЧЕРНЫШЕВА

До встречи
В ПРОШЛЫХ
ЖИЗНЯХ 2

18+

Любовь сквозь время

Анна Чернышева

До встречи в прошлых жизнях - 2

<https://litres.ru/74418759>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы думали, что разгадали тайну прошлых жизней.

Оказалось — это только начало.

Теперь мы знаем: наши судьбы переплетаются уже не одну жизнь. Любовь, предательство, смерть — и снова встреча спустя годы и столетия.

Но зачем судьба раз за разом сводит нас вместе?

Чтобы найти ответ, нам придётся заглянуть ещё глубже в прошлое. Туда, где началась история, которую мы до сих пор не смогли закончить.

И, возможно, понять главное: прошлое действительно управляет нами — или мы всё-таки способны изменить свою судьбу?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	58
Глава 6	69
Глава 7	83
Глава 8	96
Глава 9	109
Глава 10	122
Глава 11	135
Глава 12	148
Глава 13	161
Глава 14	174
Г	187
Конец ознакомительного фрагмента.	188

До встречи в прошлых жизнях - 2

Глава 1

Неаполь, лето 1926 года

Все трое смотрелись удивительно нелепо в мире, где ещё никто не изобрёл смартфон, флисовые ткани и кроссовки, в которые они были одеты. Даже электричество было ещё не повсеместно, но на улице, где жила Лаура, провода и столбы уже существовали.

— Мне жарко, — простонала Алёна и стянула с себя жилетку и кофту, бросив их на мостовую. Одежда тут же исчезла.

— Где мы? — пробормотал Невский, который впервые в жизни был растерян. — Что значит — в твоём сне, Ната?

— Хм, значит, Ната, — усмехнулась Алёна, скривив губы. — Вы ещё поцелуйтесь, голубки.

И отвернулась.

— Я не знаю, почему мы все здесь оказались, но мне снился сон, что Лаура — это я. И... и ничем хорошим этот сон не закончится.

— И что это значит? — резко развернулась Алёна, взмахнув высоким хвостом из пшеничных волос. — А нам теперь

что делать?

Наташа пожала плечами и предложила:

— Пошлите за ней, и я расскажу вам, о чём был мой сон.

Все трое, избавившись от лишней одежды, быстрым шагом последовали за черноволосой девушкой, легко цокавшей каблучками в сторону центра города.

— Никогда не была в Неаполе, — мечтательно произнесла Алёна и тут же добавила: — Интересно, можно ли угоститься мороженым? Оно так вкусно пахнет!

— Идем, а, — подал голос раздражённый Данила и откинул со лба слипшиеся русые волосы. Он вполне уже овладел собой и напоминал того самоуверенного адвоката, к которому привыкли подруги. — Раз мы здесь, значит, что-то должны сделать. Когда поймём, что — найдём выход.

Белая фигурка впереди легко помахивала сумочкой на плече и её было сложно не заметить. Поэтому троица сбавила шаг и появилась возможность отдышаться. Тем более, что девочка застряла в очереди за сногсшибательно пахнущей пиццей.

— Мне одной кажется, что купол и канаты у того деда просто привиделись? Мы правда все это наблюдали? — подала голос Алёна, видимо, мучаясь неразрешимыми вопросами. — Или это только мои глюки?

— Глюки не бывают групповые, поэтому правда. Дед какой-то непростой, да и чаёк у него с секретом. На него бы ментов натравить, чтобы не подпаивал всех подряд, — от-

рывисто произносил Невский, пытаясь взять ситуацию под контроль. — И если мы сейчас все вместе видим одно и то же, то это чертовщина какая-то. Интересно, а гипноз бывает групповым?

— Ой, да какая разница! — раздражённо перебила Алёна и указала пальцем вперед, за угол, куда уже свернула Лаура. — Смотрите!

Над площадью, с которой доносился механически усиленный голос, что-то страстно тараторящий на итальянском, реяли зловещие красные полотнища со свастикой. Они свисали с крыши здания и выделялись ярким алым пятном над горчично-жёлтыми цветами зданий и мощёной булыжником площади.

Происходящее напоминало советские фильмы про войну — и толпа, и оружие активисты, и отрывистые лозунги фашистов. Наташу передёрнуло, а Невский встал столбом.

— Твою мать... — тихо выругался он. — Двадцать шестой год... Муссолини? Должно быть, только-только пришёл к власти.

Девушки оглянулись на него, но ничего не сказали.

Лаура тоже, судя по всему, не питала особой любви к фашистским митингам, а потому свернула в боковую улочку и лёгкой походкой пошла вдоль многоквартирных домов и небольших особнячков с распахнутыми окнами, из которых доносились звуки радиопередач, заглушаемые лёгкими занавесками.

— Мне кажется, я слышу её мысли, — пробормотала Наташа, прижав тонкие пальцы к вискам. — Сейчас Лаура идёт к подружке, Розе — чтобы та познакомила её с парнями и они как следует погуляли. Потом они будут гулять по улицам, пить вино и, как стемнеет, пойдут в ресторан. Там немного потанцуют, и пойдут провожать Лауру домой — и там случится её первый поцелуй.

Невский встал, как вкопанный, и произнёс, впервые настоящему посмотрев на Наташу:

— И что за мыльную оперу мы тут наблюдаем? Зачем нам следить за девчонкой и её первым опытом в любви?

— Я не знаю, — развела она руками. — Возможно, вы должны всё увидеть сами. Я-то уже знаю, чем всё кончится.

— Так, я понял. Садись и рассказывай до самого конца. Раз уж мы можем заглянуть вперёд, то облегчим себе задачу.

Невский подошёл к пустому столику в уличной таверне и выдвинул стулья для девушек.

— Садитесь обе!

Девушки подчинились, и все трое дружно посмотрели на официанта. Но он скусающе смотрел на улицу, по которой потекли ручейки людей, торопящихся с митинга по своим делам, и даже не сделал попытки подойти к ним. Стало понятно, что он их попросту не видит.

— Рассказывай, — скомандовал Данила и посмотрел на обеих своим фирменным профессиональным взглядом. — Раз уж чай пили вместе, и в твоём сне оказались вместе, то

в этом есть какой-то смысл.

— Мне снилось, что я — точнее, эта Лаура — дочка главы мафиозного клана. Здесь её называют Каморра. Мать Лауры одна заправляет всеми делами после того, как карабинеры убили её отца. У этой матери — Виттории — есть помощник, правая рука. Его зовут Анджело Марино.

Наташа остановилась, чувствуя, как при упоминании его имени у неё затряслись руки. Всё же не так просто давался рассказ, как ей бы хотелось.

— Лаура отчаянно влюблена в этого Анджело. И она не замечает, что он — любовник её матери.

— Ох, — пробормотала Алёна.

— Да, она узнаёт об этом в самом конце. И тогда у неё зреет план — сместить мать, когда чуть подрастёт и разберётся во всех делах, и унаследовать этого Анджело. Её расчёт в том, что она молода — а Лауре около пятнадцати или шестнадцати лет — а мать стареет. Поэтому время играет ей на руку.

— Логично, — вставил Невский и сложил пальцы на руках домиком. — И что было дальше?

— У Лауры есть какие-то сверхъестественные способности — потому что она может чувствовать людей и предсказывает некоторые события. Так вот она видит смерть Анджело — и пугается. Хочет его спасти. Половину сна она боится за него и придумывает, как сможет уберечь от гибели.

— А он? — спросил Невский.

— А он спит с её матушкой и проворачивает свои делишки. Так себе тип, если честно. Понятно, почему ей крышу снесло — он похож на Микеле Морроне. Воспитан, обходителен. Модник и бабник, короче.

— Кто такой этот... Микеле как его там? — нахмурился Невский, а Алёна непроизвольно усмехнулась.

— Я бы сказала — погугли — но, боюсь, тут ещё нет ни одной вышки сотовой связи. Актёр такой, красавчик.

Но Невский послушно полез в карман штанов и вытащил смартфон.

— Сети нет, ты права, — поджал он губы со смешком. — Ну, а дальше что?

— Ну а дальше — она просыпается с чувством, что сегодня его убьют. И хочет предупредить. Следит за ним, видит, что он ворочает какие-то делишки за спиной Виттории, и что встречается с другими женщинами. Точнее, не видит, а думает так. Идёт за ним, и кто-то стреляет ей в спину. Она умирает.

Все трое замолчали, обдумывая услышанное. На улице тоже как-то подозрительно стихло.

— И эта смерть... Она будто бы ей рада. Как жертва во имя любимого человека. Она счастлива, что убили не его, а её. Вот так любила, — тихо сказала Наташа. — Я потом половину утра прорыдала, как проснулась. Будто бы меня вот так убили.

Алёна вздохнула и воровато посмотрела на Невского. Она

понимала, о чём говорит бывшая подруга. После своих снов она просыпалась то в послеоргазменной неге, то хохочущей вороной, избежавшей костра.

Невский положил руку на ладонь Наташи, успокаивая:

— Возможно, так оно и есть. Если ты видела всё глазами Лауры, может быть она — это и есть ты?

— Разве это не похоже на бред? — она подняла беспомощные глаза на Невского, и Алёна при виде этого взгляда поморщилась.

— А разве не похожи на бред бункер под лесной избушкой, канаты из наших пупков и купол с ярким светом? Разве не бред — что мы тут сидим, словно призраки, в твоём сне, и мило беседуем? А нас никто не замечает?

— Так, я поняла. Хорошо трепаться. Наташ, если это твой сон — то води нас к дому этой Лауры. Давай взглянем на её мать и этого Анджело. Чем они заняты, пока дочурки нет дома?

Наташа поднялась, виновата пряча глаза. Потом, решившись, посмотрела на Алёну:

— Алёна, я не успела сказать тебе... Прости. За ту ночь... Ты не заслужила такого...

Алёна выставила руки вперёд и перебила её:

— Та-а-ак, всё, сопли потом. Мы не в детском саду, чтобы не отдавать себе отчёт в своих действиях. Каждый сделал то, что хотел. И я не буду это сейчас обсуждать! Показывай этот дом и пошли, пока я не передумала и не пошла к морю,

послав вас всех к...

Невский шумно встал, отодвинув стул, и скомандовал:

— Пошли! Я тоже подумал, что мы здесь не для того, чтобы посмотреть весь сон. Кто-то же убил девчонку? Значит, надо выяснить хотя бы, кто. Может быть, твоя неотмщённая душа, Нат, жаждет именно этого?

Алёна закатила глаза и первой вышла на тротуар. Наташа с Невским пошли следом.

— Тут, за углом, длинная улица, а в конце её — дом. Он большой. Напомнил мне одесский дворик из советского фильма. Там целая община, живут родственники этой Виттории и их семьи. Бельё на верёвках, чумазые дети. И всё это в центре города!

— У нас такие же дома на площади Революции. Внешне красивые, а внутри коммуналки, — проворчала Алёна. — Так что ничего удивительного!

Пришельцы шли по улицам Неаполя, никем незамеченные. Все чувствовали себя одинаково не в своей тарелке. Невьясненные отношения висели между ними, словно плотное облако, и мешали вести себя естественно. Да и сама обстановка итальянского города столетней давности не располагала к расслаблению.

Глаз отдыхал — не было ни кричащих рекламных плакатов, ни ярких вывесок. Судя по легко угадываемым названиям, на их пути попадались пиццерии, кафе, аптеки. Необычно много было уличных торговцев с лотками или тележками.

И только иногда красными тревожными пятнами висели полотнища с фашистской свастикой, отмечая государственные учреждения.

У большого двухэтажного дома в средневековом стиле, с деревянными ставнями и цветами в кашпо за окном, Наташа остановилась. За ограду вела узкая калитка, которая открывала тенистый дворик, засаженный зеленью.

Она уверенно зашла внутрь и толкнула тяжёлую деревянную дверь. В нас сразу ударил густой томатный дух, приправленный чесноком. На кухне гремели тарелки и быстро-быстро трещало радио на итальянском. Невский потянул носом воздух и уверенно прошёл на кухню.

Там сновала толстая пожилая женщина в чистом фартуке с платком на голове и колдовала над плитой. Едва она отошла к столу, как Невский открыл крышку и сунул нос в блюдо на плите:

— Девочки, это же настоящая томатная паста! Точнее, соус для неё! Как вы думаете, мы можем тут поесть?

— Тебе лишь бы пожрать, Невский! Пошли, посмотримся!
— оборвала его Наташа.

Тот громыхнул крышкой, но повариха не обратила на них никакого внимания.

— Я бы уже поел, — прогудел он и поплёлся за Наташей. Та заворуженно трогала перила, поднимаясь на второй этаж. Длинный коридор заворачивал влево. Стены, покрашенные в цвет охры, были украшены пейзажами. Напротив од-

ной из дверей стоял крошечный столик, где красовался древний телефон и записная книжка с карандашом внутри.

Наташа толкнула центральную дверь и вошла в комнату. Тут царил беспорядок — на столе у зеркала валялись открытая баночка с пудрой, расчёска, ленты, шпильки. На кровати — нижняя сорочка и белые носки, дверца у шкафа приоткрыта.

— Тут комната Лауры, — прошептала Наташа, неверяще трогая шёлковую ленточку на туалетном столике.

— Пошли, — позвал её Данила. — Показывай комнату мамаша.

Все трое вышли в длинный коридор и, завернув за угол, оказались перед красивой резной дверью. Невский смело вошёл и остановился, оглядывая убранство.

— Нехило так мамашка жила, — присвистнул он, оглядывая шёлковые занавески, просторную кровать с балдахином из красного дерева и огромное зеркало от пола до потолка. — Сколько, говоришь, старушке лет было?

В комнате пахло дорогими духами и накрахмаленным постельным бельём. Запах чистоты и порочности.

— Тридцать пять ей было, Данила, — вздохнула Наташа, прикасаясь к хрустальным флакончикам духов и металлическим цилиндрам помад.

— Ха, — отреагировал он. — Долго же пришлось бы ждать малышке, пока мамаша состарится.

Все трое переглянулись. Они были старше «старушки» на

значительное количество лет.

— Лаура про себя думала, что матери недолго осталось, — серьёзно сказала Наташа. — Ну, и учитывая её род занятий, могла оказаться правой.

Ничего интересного в комнате не было. Никаких следов мафиози, просто комната богатой красивой дамы. Дорогая мебель, со вкусом подобранный текстиль и уединенность — так как комната была угловая и в самом дальнем конце дома.

— А этот хахаль её тоже здесь жил? — поинтересовался Невский. Он, на удивление, чувствовал себя как дома. Был такой же наглый и беспардонный, как и в реальной жизни.

— Сейчас ещё нет. Но Лаура узнает, что они любовники, и он переедет на первый этаж через несколько дней.

— Несколько дней? — присвистнул Данила. — Это же сколько нам тут торчать? Я точно умру с голоду!

Девушки против воли рассмеялись. Все трое вышли из комнаты, притворив дверь, и спустились вниз, удобно расположившись на диванах.

— И что нам дальше делать? — первая спросила Алёна. — Я не понимаю, зачем мы здесь. Просто следить за Лаурой? За её матерью и любовником? Торчать тут неделями? Почему никто ничего не объяснил?

Наташа встала, тяжело вздохнула и заходила по комнате.

— Давайте дождёмся ужина и решим, что нам делать. Возможно, разделимся и проследим за каждым из персонажей. Я же видела сон только от лица Лауры, а чем занимался тот

же Марино или его мать — не знаю. Дойдём до конца сна и там, может, решим, что делать.

— И зачем нам это? — язвительно спросила Алёна.

— Да откуда я знаю! — неожиданно взорвалась Наташа и крикнула в ответ: — Есть предложения лучше? Предлагай. Ты только и умеешь, что критиковать!

— Девочки, спокойно! Раз это Наташин сон, то пусть она и командует. Всё равно мы не знаем, где в этом чужом городе искать людей, которых никто, кроме неё, не видел. Можно обыскать дом, соседние дома, занять себя как-нибудь. Я бы попробовал что-нибудь поесть вообще...

Алёна невесело усмехнулась, встала и вышла из комнаты. Наташа демонстративно уселась на диван и закрыла глаза, делая вид, что пытается собраться с мыслями. А Невский исчез в кухне, откуда слышалось пение дородной кухарки.

Время полетело незаметно. Тени на улице удлинялись, жара стала не такой удушливой. Сумерки здесь были не голубыми, как дома, в России, а какие-то коричневые. Они незаметно ложились на город, чтобы потом с невероятной скоростью превратиться в темноту и подарить людям прохладу. Наступил вечер.

Первой в гостиную влетела Алёна, которая всё это время провела снаружи.

— Там, там, — задыхаясь прошептала она. — Ты не поверишь, Невский!

— Чего? — он выглянул из кухни, где уже зажёгся свет.

Наташа лениво приподняла голову, готовая вновь равнодушно отвернуться.

— Они идут, вдвоём, — зачем-то шёпотом продолжила Алёна, хотя уже было ясно, что пришельцы невидимы для живущих свою жизнь неаполитанцев.

Звонкий смех и быстрая итальянская речь прервали её, и она даже подвинулась в сторону, чтобы пропустить вальяжно шествующих под руку мужчину и женщину.

Он двигался с грацией танцовщика или хищного зверя. Густые тёмные волосы оттеняли бирюзовые глаза и спадали на лоб, а смуглая кожа подчёркивала скулы.

Она была стройна и невероятно хороша собой. Чёрные быстрые глаза, красные карминовые губы, точёное лицо и ровная, гладкая загорелая кожа. Грива угольно-чёрных волос спадала на одну сторону, а на другой была гладко зачёсана и закреплена на затылке. Массивная цыганская серьга покачивалась в открытом ухе, а красивый летний костюм — бежевая тонкая блузка и юбка-карандаш — плотно облегли тело. В вырезе у самой ложбинки груди поблескивал католический крест.

Что-то в манере разговора и мимике насторожило всю троицу. Алёна закрыла руками лицо и отвернулась. А Невский выдохнул:

— Это же мы с Алёной!

И в этот момент Виттория повернулась, мазнув по ним взглядом. Потом, покачав головой, кокетливо взмахнула рес-

ницами и прошла в услужливо распахнутую дверь к накрытому столу.

Глава 2

— Мария, а где моя дочь? — певуче спросила хозяйка дома, грациозно опускаясь в кресло, которое отодвинул для неё Марино.

Почему-то все трое незваных гостей понимали иностранную речь, но им это не казалось удивительным. Они во все глаза рассматривали Анджело и Витторию, расположившись на пустующих стульях прямо за столом.

— А с чего ты взяла, что это вы? — прошептала Наташа, косясь на мать Лауры новыми глазами.

— У меня такое чувство, будто я слышу её мысли, — тоже шёпотом ответила Алёна. — Я будто бы помню всё... Даже не эту женщину, а свои ощущения. Каково это — быть вот здесь, в этом теле, в этом городе... Если закрыть глаза, то можно глубже проникнуть в её мысли...

— Тише вы, — шикнул на них Невский. — Кудахчете, как куры! Дайте послушать!

Наташа переводила взгляд с Марино на мать, по-новому оценивая увиденное. Лицо её вытягивалось и новые оттенки чувств проступали против воли.

— Лаура упорхнула к подружке, синьора Виттория, — сказала Мария и шмякнула на пустой конец стола большую кастрюлю, откуда пахло томатами и чесноком. Она мощно вращала полными руками большую двузубую вилку внутри

посудины и готовилась раскладывать пасту по тарелкам.

Марино откупорил бутылку тёмно-красного вина и начал разливать по бокалам. Высокая полная Нонна раздавала тарелки, в которые Мария накладывала аккуратно свёрнутые спагетти в густом красном соусе, а потом щедро присыпала сыром, зачерпывая его ладонью прямо из миски. Начиная сидеть, но всё ещё поджарый Чезаре зажёт три высокие свечи на столе, покрытом белоснежной скатертью, и уселся напротив Марино, расправив салфетку у себя на коленях.

— Она пропустит ужин? — осведомилась Виттория и тоже разложила салфетку на стройных бёдрах. Алёна заметила тщательно отполированные ногти и массивное кольцо с сапфиром на правой руке.

— Да, она сказала, что поест на улице, — неодобрительно сказала Мария и поджала губы.

— Да полно, Мария, девочке просто хочется немного свободы, — лучезарно улыбнулся Марино и все присутствующие в комнате дамы невольно залюбовались его белыми зубами и бирюзовыми глазами, которые тепло засветились от нежности. — Сейчас лето, ей давно пора уже завести какого-нибудь ухажёра!

— Какого-нибудь ей не нужно, Анджело, — укоризненно сказала Виттория и пригубила вина. Невский аж подался вперёд, следя за её тонкими пальцами на запотевшем стекле бокала. — Ты же знаешь, у меня на девочку большие планы. А настоящие мужчины, с которыми я хотела бы породнить-

ся, не женятся на девушках с подмоченной репутацией.

— Лаура очень благоразумная девушка! — улыбнулся Анджело тоже пригубил вина.

— Вот только не надо делать вид, что не замечаешь, как она по тебе сохнет! Девчонка влюблена в тебя по уши! — вспылила Виттория.

— Как и ты, дорогая, — со смехом отозвался Марино и поймал её руку, чтобы поцеловать. — Что поделать, если я неотразим?

Мария громко фыркнула из кухни, гремя кастрюлями. Чезаре закатил глаза, а Нонна скромно опустила лицо к тарелке, скрывая свои эмоции.

— Ты доиграешься, Марино! — недовольно произнесла Виттория и тут же сменила гнев на милость. — Но сначала послужишь мне. Поговори с девочкой, чтобы она больше рвения проявляла к делам семьи. Мне понадобится её помощь в разговоре с тем синьором, за которого просил Марио.

— А мне интересно, Виттория, что бы ты делала, если бы не Лаура? — элегантно накручивая на вилку сочные спагетти, спросил Анджело. А затем ловко отсёк лишнюю лапшу ложкой и быстрым движением закинул порцию пасты в рот.

— Как он это делает? В белой рубашке ест спагетти с томатом и ни одного пятнышка! — восхитился Невский и словил укоризненные взгляды обеих дам.

— Тише ты, мешаешь! — недовольно шикнула на него Алёна и поджала губы. — Видимо, в прошлой жизни ты был

не такой растяпа, как в этой.

— И до неё велись дела, — язвительно прокомментировала Виттория и положила в рот листик хрустящего салата. — Просто дочь — отличное тайное оружие, о котором не знают другие. Её интуиция нам ещё сильно поможет, вот увидишь!

— А что будет, когда она выйдет замуж? Тебе придётся отпустить её в чужую семью, — резонно заметил Марино и отпил глоток вина. Запахи в комнате стояли умопомрачительные.

Виттория бросила на Анджело взгляд, полный презрения: — Она никогда не уйдёт в другую семью! Выйдет замуж за мужчину из нашего клана, вот и всё. Главное, чтобы он сильно под ногами не мешался.

— Ты думаешь, она согласится выйти замуж за ничтожество? — рассмеялся Анджело.

— Она выйдет замуж за того, кого я укажу. Ну и вообще, учитывая мой опыт, пусть лучше под рукой будет мужчина сговорчивый и покладистый, потому что другого сильной женщине не нужно, — и Виттория очаровательно улыбнулась собеседнику, но тот шутки не оценил. Было заметно, что она всё-таки уязвила его гордость.

— Ты и в прошлой жизни была стерва, Алёна, — пробормотал Невский, который уже начал чувствовать свою общность с Анджело.

— Судя по всему, мужчины сами меня вынудили, — огрызнулась Алёна. — Иначе почему мне пришлось управ-

лять мафиозным кланом? А ты, судя по всему, был при мне вместо комнатной собачки! Может быть, ты ещё и жиголо?

— Тише вы, оба! — прикрикнула на них Наташа. — Дайте послушать!

Беседа за столом застопорилась. Нонна с Чезаре делали вид, что ничего не слышали, а Марино быстро доедал пасту, явно торопясь покинуть общество Виттории. Когда он поднялся, вытерев губы полотняной салфеткой, хозяйка нахмурилась:

— Ты уходишь? — нарочито удивлённо спросила она.

— Да, дорогая, у меня ещё дела. Сегодня не жди, — бросил он и подхватил со столика шляпу.

Что-то насвистывая, Анджело широким шагом вышел из дома и Невский подорвался за ним.

— Ты куда? — крикнула Алёна. — Мы что, разделяемся?

— У меня такое чувство, будто нам нужно за ним! Пошли-те, сейчас мамашка ляжет спать, я уверен. А вот нам нужно узнать, куда направился мой аватар! — донёсся с улицы крик Невского. Девушки вздохнули и последовали за ним, не глядя друг на друга.

Марино уже успел дойти до угла, но троица ускорила шаг и нагнала его на узкой улочке между домами. Преследуемый уже вполне овладел собой и шёл лёгкой грациозной походкой, на ходу подворачивая рукава белоснежной рубашки и зажимая зубами папиросу.

Вечерний Неаполь светился мягким светом. Из окон лил-

ся свет и громкая музыка, от уличных ресторанчиков доносился звон посуды и смех. Лето и свобода — вот что чувствовалось в воздухе наряду с запахом близкого моря.

— Как же хорошо, — раскинув руки и задрав лицо к небу, сказала Наташа. — Жить в таком городе, и зачем-то убивать друг друга... Какая жизнь ждала эту Лауру — долгая и счастливая, если бы не Марино...

— Ага, как же. До войны осталось чуть меньше десятка лет. Как раз бы детей родила и вперёд — лишения или эмиграция... — пробормотала Алёна, не поворачиваясь к подруге. Она всё ещё была на неё слишком зла. — Или фашисты бы убили.

— Пошлите скорее, он куда-то зашёл, — перебил её Невский и поймал дверь, закрывающуюся за Марино.

— Бордель? Серьёзно? — усмехнулась Алёна, с первого взгляда угадав, что это за заведение. — Он гуляет от такой женщины, как Виттория?

Невский стрельнул в неё взглядом, но промолчал. Марино же подошёл к ярко накрашенной женщине — судя по всему, хозяйке заведения — и прошептал ей что-то на ухо. Та кивнула и молча развернулась, показав голую спину без бюстгальтера. Шелковое платье запахивалось только у поясницы, держась на плечах и закрывая спереди грудь. Спина у хозяйки была великолепная. Покачивая бедрами, она повела гостя вверх, и вся троица устремилась за ними.

— Может быть, у него тут деловая встреча? — вставил в

защиту Анджело Невский.

— Угу, — недоверчиво пробормотала Алёна. — Кто-то как был бабником, таким и переродился в нашем времени.

Между тем мадам остановилась у двери с номером 7 и стукнула дважды по дереву костяшками пальцев. Та приоткрылась и Анджело скользнул внутрь, неслышно затворив за собой створку.

— Сейчас мы всё и узнаем, — решительно сказала Наташа и вновь толкнула дверь, врываясь в полутёмную комнату.

Шторы были плотно задвинуты, а на тумбочке у широкой кровати горела единственная свеча. В кресле напротив сидел плюгавенький мужичонка и посасывал вино из высокого бокала, а Марино возвышался над ним, явно ожидая ответа на свой вопрос.

— Всё будет хорошо, — сказал мужичонка и расплылся в мерзкой полуулыбке. — Да не маячь ты, Марино. Дело верное! Завтра мы ударим по рукам, а ты потом получишь свою часть прибыли.

— Вот видишь, не к бабе он шёл! — неожиданно сказал Невский, но Наташа шикнула на него, знаком повелев заткнуться.

— Это Жулио, тот самый тип, который не понравился Лавуре, — пояснила она, напряжённо прохаживаясь между мужчинами в комнате. Она что-то обдумывала и была самой сосредоточенной из всех троих.

— У неё отличная интуиция, — уклончиво сказал Андже-

ло и пожевал губу. — Что будет, если она тебе откажет?

— Слушай, ты серьёзно думаешь, что я не справлюсь с какой-то там потаскухой? — осклабился Жулио. — Давно пора отжать у неё бизнес. Сидела бы, спокойно занималась тряпками своими и не лезла в мужские дела, тогда бы всё у неё было хорошо!

— Ты разве не слышал, что она скормила брату мужа собственные яйца? Она не потаскуха, Фурия умная и опытная каморриста, — возразил Марино. — Я бы не хотел наступать ей на хвост.

— Да ты, как я посмотрю, вошёл во вкус. Нравится быть альфонсом? Ты, может быть, и нашёл тёплое местечко между её ножек, а я не так прост. Мне нужны деньги и лодки, чтобы возить свой товар! А таким, как она, место в борделях! Пусть знает своё место.

Марино покачал головой и отступил:

— Ты глуп, и ты плохо кончишь, — тихо сказал он. — Я не буду иметь с тобой дела. Договаривайся сам, если хочешь, но я помогать тебе не стану.

Жулио подскочил с кресла, будто ужаленный, и выхватил нож. Но Марино оказался быстрее и отскочил, прыгнув прямо сквозь Невского, который слушал, приоткрыв рот.

— Это мы ещё посмотрим! Решил меня сдать, Альфонсо Марино? — угрожающие прошипел мужичонка, намекая на то, что соперник находится на содержании у дамы.

— Нет, отныне мы врозь, — спокойно покачал головой

Анджело и добавил: — Я не буду тебе мешать, и буду держать язык за зубами. Тут можешь на меня положиться. Но ты теперь сам за себя. Я всё сказал.

Грациозным жестом приподняв шляпу, красавчик выскользнул из комнаты и притворил за собой дверь. Постояв в коридоре пару секунд, он уверенно направился в противоположную от лестницы сторону и постучался в комнату с номером 4. Спустя пару мгновений ему открыла улыбчивая девушка и проворковала:

— Анджело, милый, ты пришёл! Заходи, я сегодня свободна, — и игриво утянула его в комнату за пуговицу рубашки.

Алёна фыркнула и развернулась, подняв руки:

— Извините, но дальше я не буду за ним следить! Сказала бы я, что как был кобелем, так и остался... Но, видимо, это и так очевидно!

И она быстрым шагом устремилась к лестнице. Наташа пошла за ней, бросив на Невского красноречивый взгляд.

— Что? Давайте вы мне ещё за этого Марино будете предъявлять! Я-то тут причём? — возмутился он.

Но девушки спешно вышли на улицу и остановились, поджидая Невского. Тут стало ощутимо прохладнее и приятнее, чем днём.

— Что дальше будем делать? — спросила Алёна. — За одним уже проследили. Теперь надо за Витторией наблюдать?

— Пошлите к дому, там как раз Лаура придёт, — сказала

Наташа и неожиданно зевнула. — И, кажется, я хочу спать. Может, получится уснуть?

Невский засунул руки в карманы и первым пошёл по тротуару, что-то напряжённо обдумывая.

— Наташ, расскажи подробнее про этого Жулио. Что он хотел от Виттории? — попросил он.

— Жулио... Он хотел предложить новый бизнес. Контрабанда наркотиков и проституток, как я поняла. Причём предлагал подсаживать девушек на наркоту и заставлять работать за дозу.

— Какой кошмар, — пробормотала Алёна.

— Слушай, да он прям новатор, — удивился Невский. — Насколько я знаю, эта схема до сих пор действует в Европе с девушками из Украины и нашей страны, которых обманом привлекают на работу за границу. И если он её придумал, то он прямо пророк от мафии!

— А мы не можем его сами шлёпнуть? — оживилась Алёна, которой сама мысль о столь грязном бизнесе вызывала отвращение. — Чтобы не фонтанировал мерзкими идеями!

— Ты видела, как он сквозь меня пролетел? — парировал Данила. — Вряд ли мы сможем на что-то здесь повлиять. Да и мы тут с другой целью, как мне кажется. Надо выяснить, кто убил Лауру и за что.

— А зачем? — задала вопрос Наташа и повернулась ко всем лицом. — Вы видели, что мы все связаны в один узел? Я думаю, что нам нужно сосредоточиться на нас троих...

Что-то узнать, понять про наши отношения. Вам не кажется странным, что мы трое уже жили когда-то в одной жизни и снова встретились в нашей? Зачем нам таскаться друг за другом из жизни в жизнь?

— Вообще-то, мы с Алёной жили ещё в одной жизни, — тихо сказал Невский.

— Что? В какой жизни? — Наташа остановилась и Алёна чуть в неё не врезалась.

— Мне тоже снился сон, как и тебе... Только там я был князем в Средневековье, а Алёна — ведьмой. Судя по всему, мы с ней видели один и тот же сон, — сказал он и задумался. — И жили ещё одну жизнь вместе.

— Зашибись, — проговорила Наташа. — Поэтому и в этой жизни вы парочка, мафиозная мать и хитрый жиголо. А меня-то как к вам притянуло?

— Ты за языком-то последи! — прикрикнула на неё Алёна. — Тоже мне... невинная овечка. Ты, что ли, просто так в постель к моим мужикам прыгаешь? Видимо, это уже давно повелось так, аж с прошлой жизни. Привычка.

Глаза Наташи наполнились слезами и она бросила:

— Да пошли вы! — и пустилась бежать.

— Зачем ты с ней так? — пробормотал Невский. — Она же твоя подруга. Всю жизнь рядом была, помогала. Это я виноват, на меня и злись.

— Может быть, ты мне сейчас и расскажешь, как так у вас всё получилось? — язвительно произнесла Алёна. — Каким

чёртом её в твою кровать притащило? Может быть, случайным ветром занесло?

— Давай ты сперва остынешь, и мы поговорим. Я виноват, но я не готов рассказывать, когда ты в таком состоянии. А Наташу не трогай, она тут ни при чём! — твёрдо сказал Невский.

— Ну и катитесь вы оба! Тоже мне, благородные господа. Одна мужика у меня уводит, другой её покрывает! Зачем я вообще тогда вам нужна? — Алёна развернулась в противоположную сторону и пошла к морю.

Невский остался один посреди людной улицы. Вокруг сновали люди, для которых он был незаметен. Они смеялись и держались за руки. Мужчины спешили по своим делам, кто-то из них нес букет, а кто-то уже шёл под ручку с дамой. В воздухе разливалось веселье и лёгкая нега летней ночи. Только чувствовал он себя паршиво.

Эти женщины поставили его перед выбором — за кем ему идти. И Данила не знал, как ему разорваться. Его мучили противоречивые чувства. Чувство вины перед Наташей, которую он в минуты слабости соблазнил, зная, что нравится ей. Чувство вины перед Алёной, которую он обманул в очередной раз, хотя не собирался. Как так вышло? Неужели он действительно не властен над своими поступками? Он, взрослый мужик, успешный адвокат, продолжает творить дичь, когда дело касается этих женщин? Почему?

Вздыхнув, он решил, что никуда не пойдёт. Невский сно-

ва зашёл в публичный дом и окунулся в атмосферу веселья и разврата. Девушки в откровенных нарядах призывно улыбались не ему. Бармен наливал виски, но снова не для него. Играла музыка из патефона, и в центре зала легкомысленно извивались красотки в объятиях других мужчин.

Вакханалия, в которой он не мог принять участия, производила странное впечатление. Он впервые наблюдал со стороны, какими глазами смотрят девушки на своих клиентов. Сколько затаённой усталости и тоски в их глазах, как приглушённо звучит смех. Это было что-то новое, и Невский сел в самое дальнее кресло и погрузился в созерцание. Может, вот так он сможет что-то понять в этой жизни?

Глава 3

Неаполь, лето 1926

— Жаль, что у меня утро началось не с кофе, — угрюмо пробормотал Невский, вламываясь в столовую семьи Виттории и понюхав воздух. Зрелище выходило презабавное — словно на сцене, обитатели дома завтракали, а на них голодными глазами глядели зрители, растянувшиеся вдоль стены. Алёна полулежала на удобном кресле, а Наташа уселась на пол, подогнув под себя ноги — и как можно дальше от подруги.

— Как будто бы тебе полезло кофе, — мрачно отреагировала Алёна, провожая взглядом столовый нож, вонзающийся в ароматное сливочное масло. — Скажи, Невский, ты реально такой голодный?

— Нет, — удивлённо проговорил он, будто бы в первый раз прислушавшись к себе. — Вроде не голодный. Но от завтрака я бы не отказался.

— Да не хотим мы ни есть, ни спать, ни какать, — подала голос Наташа. — Мы тут призраки, поэтому и желаний человеческих у нас нет. Я сегодня думала о том, что, может быть, траванул нас твой дед, Данила, вместе со своей соседкой и трупики уже прикопал. А мы тут застряли перед отправкой в рай, как привидения.

— Или в ад, — добавила Алёна, не глядя на неё.

— Девочки, что за пессимизм? Кто вас укусил с утра? — удивился Невский. — Неужели всё было так плохо?

— Да нет, ничего такого. Просто мне кажется, что мы теряем здесь время! — раздражённо отреагировала Алёна, но тут все действующие лица встали из-за стола и сцена оживилась.

— Они сейчас пойдут в кабинет разговаривать с этим Жулио, — пояснила Наташа. — И вам надо на это посмотреть. Я думаю, что лучше всё же лично увидеть, потому что я сама до конца не понимаю, что там произошло.

И все гуськом потянулись в кабинет Виттории на первом этаже.

Жулио, представший перед их глазами, выглядел чуть приятнее, чем накануне в борделе. Мужичонка был свежеевыбрит, от него пахло одеколоном и весь он словно бы сиял изнутри. Верил в свою победу?

Лаура сегодня была бледнее, чем обычно. На фоне жизнерадостной загорелой Виттории она выглядела чуть ли не больной. Но оставалась спокойной и равнодушно-остранённой.

Когда она совершила свой манёвр с мольбертом и повернулась ко всем спиной, готовя краски и карандаш, Невский кинул удивлённый взгляд на Наташу.

— Она всегда рисует, когда надо сосредоточиться, — пожала та плечами. — Возможно, ловит поток или впадает в транс...

Жулио тоже выглядел удивлённым, а Виттория цепко оглядывала его, подмечая детали. Гладкий лоб нахмурился, образуя морщины, а Марино еле заметно пожал плечами. Уже по этим знакам опытный зритель мог догадаться, что исход переговоров почти предрешён, и не в пользу визитёра.

Разговор плавно полился, но прищельцы слушали его вполуха. Всё внимание было приковано к Лауре, которая, будто в трансе, рисовала на холсте силуэт Марино. Рука механически двигалась, сама же девушка глядела поверх мольберта в окно, совершенно не обращая внимания на происходящее в комнате.

Когда Жулио ушёл и Лаура грохнулась в обморок при виде нарисованного трупа Анджело, все присутствующие вздрогнули. Марино взял её на руки и отнёс в комнату, и вся группа поддержки устремилась туда.

— Надо проследить за этим Жулио, — вдруг предложила Наташа. — Здесь больше ничего интересного не будет. Все поохают, а потом оставят девочку одну и займутся обычными делами. А этот проходимец явно что-то задумал!

Алёна с Невским переглянулись и согласились. Они убежали из дома, но нагнали нарядного каморристу только на полпути к порту. Он шёл, дымя папирсой, и лениво щурился на солнце.

— Думаешь, он что-то задумал за спиной Виттории? — спросил Невский, догоняя Наташу и подстраиваясь под её шаг.

— Да, мне кажется, что в нём всё дело. Он сговорился с Марино за спиной Виттории, а Лаура их увидела. И поэтому он решил её убрать, — задумчиво проговорила Наташа.

— Вот говнюк, — согласился с ней Невский.

— А мне кажется, что это Марино грохнул Лауру, — встала Алёна, и все обернулись на её голос.

— С чего ты взяла? — агрессивно набылчился Невский, и Алёна перешла в нападение.

— Интуиция. Можете считать, что материнская! — с вызовом сказала она и скрестила руки на груди.

— Ой, тоже мне, мать выискалась, — едко произнёс Данила и добавил: — Зачем мне... то есть ему было это делать? Он благородно ведёт себя с Лаурой. Не соблазнил девочку, учит её, мягко направляет. Встречается с её матерью. Чем она ему помешала?

— Я пока не знаю, но, думаю, скрытые мотивы у него есть. Так-то ситуация нетипичная — Виттория женщина, и управляет мафиозным кланом. А самого Марино в глаза называют жиголо! Ты думаешь, только этот сморчок осмелился бросить оскорбление? Сдаётся мне, что и самцы с яйцами покрепче не раз намекали на то, что Марино альфонс!

— Вот знаешь, почему я не мог долго с тобою жить, Алёна? Ты такая токсичная, когда злишься! Столько говна из тебя прёт! Откуда только оно берётся?! — перешёл на личности Невский и подошёл к Наташе, пытаясь взять её за руку. — Пошли, Наташ, а то упустим этого Жулио.

Но Наташа вырвала руку и посмотрела на Алёну виноватым взглядом. Но ту уже понесло:

— Вот ты так всегда делаешь! Как только у нас возникают разногласия, ты убегаешь к очередной бабе! Это меня в тебе и бесит! Нет бы выяснить всё со мной, так куда там! Баб вокруг немеряно, кто-нибудь да приютит! Сами идите за этим Жулио, а я пойду за Марино следить! И я вам докажу, что это он грохнул девчонку!

— Ты извини, Даня, но я с ней. Не хочу ухудшать наши отношения ещё больше, — и виновато опустила глаза.

И Наташа, отвернувшись от Невского, пошла за Алёной.

— А ты вечно под неё прогибаешься! — проорал Невский им вслед. — Заимей уже, наконец, собственное мнение! Сорок лет бабе, а всё живёшь с оглядкой на свою драгоценную Алёну!

И быстрым шагом устремился за Жулио, надеясь, что не успел его потерять.

Алёна с Наташей с умилением наблюдали, как Анджело проводит урок с Лаурой. Он изо всех сил сдерживался, но девочка явно была не в своей тарелке. Её бледное лицо выглядело совсем белым, но она всё равно успела нанести на губы помаду, а волосы были уложены короной на голове.

Она строила ему глазки, и это выглядело трогательно, потому что неловкие попытки флирта были сразу же заметны.

Но Марино мужественно игнорировал её поползновения, и это делало ему честь.

— Он хотя бы не пытается воспользоваться её наивностью, — пробормотала Алёна, не глядя на Наташу.

— Да, и в моём сне он тоже изо всех сил уклонялся от любых контактов. Лаура сильно об этом жалела, — подтвердила подруга.

— Как ты думаешь, почему нас забросило в твой сон? — внезапно спросила Алёна. — Что мы должны сделать здесь? Все вроде бы очевидно — дочь влюблена в мужчину матери. Неприятно, но... Так бывает.

— Я думаю, что мы просто должны были всё это увидеть. Я даже подумать не могла, что Анджело — это Невский...

— Я тоже не могла подумать, что ты имеешь к нам с Данилой какое-то отношение, — буркнула Алёна и внезапно глаза её расширились: — Смотри!

Лаура в это время держала одну руку за спиной Марино, а другую — над головой. Из из его макушки была видимая струя света, а девочка ловила её рукой.

— Ты тоже это видишь? — поражено выдохнула Наташа и приблизилась, обходя парочку против часовой стрелки.

— Надо же, в этом сне раскрывается всё, что не видно в обычной жизни, даже магия, — прошептала Алёна. — Значит, у девочки и вправду были какие-то способности?

— Да! Во сне я всем телом чувствовала опасность, которая грозила Анджело. Она надвигалась, как гроза, и я пыта-

лась её остановить. Это был ужас вперемешку с обреченностью. И мне до сих по кажется, что я принесла себя в жертву за него. Ты знаешь, Алён, я когда проснулась, меня душили рыдания и в голове билось две вещи. Первая — это её мысль «Как хорошо, что не он!». А вторая — уже моя. «За что?» Было так обидно видеть эту смерть. И... и ощущать такую любовь... Буквально — до смерти.

Алёна впервые после того, как застала Наташу с Невским, приблизилась к подруге и обняла:

— Я понимаю тебя, — тихонько прошептала она и прижала её к себе.

— Ты прости меня, Алён, — всхлипнула Наташа. — Я не хотела делать тебе больно. Просто... помутнение какое-то нашло. Я не готова пока рассказать тебе, как всё было... Но придёт время, и я выложу всё, как есть. Мне надо самой переварить.

Алёна нехотя отстранилась и посмотрела Наташе в лицо:

— Я никогда тебя не пойму и не уверена, что прощу. Но это не отменяет нашей дружбы, которая была. Поэтому давай установим краткое перемирие. Хотя бы до момента, пока нас не отпустит этот забористый чаёк.

Они обе хихикнули.

Тем временем Лаура в комнате разрыдалась от того, что больше ничего не могла увидеть, и Анджело оставил её одну, а девушки подорвались и побежали за ним.

— Нужно проследить за этим Невским-Марино. Кстати,

итальянским мачо он мне нравится больше, — улыбнулась Алёна и подмигнула. — Вот бы он и сейчас был знойным красавчиком, а не обычным занудой.

— Не говори, — подхватила Наташа и они вместе вышли на улицу. Анджело уже вышел на тротуар и открывал дверцу машины, которая подъехала к нему словно бы из ниоткуда.

Девушки успели запрыгнуть на заднее сиденье и поморщились — тут пахло табаком и мужским потом, а водитель за рулём был настоящим карикатурным мафиози. Его лицо пересекал большой рваный шрам, местами успевший побелеть, а потная рубашка была расстёгнута на груди, обнажая майку-алкоголичку. Рукава были закатаны до локтей и весьма засалены. Щеки мафиози заросли трехдневной щетиной, но загорелые руки на руле лежали уверенно и свободно. Марино открыл окно и что-то насвистывал, поглядывая на проснувшийся город. Они катили по улицам Неаполя, и впереди была неизвестность.

Но открытой вражды между подругами уже не было.

Четыре условных стука и низенькая дверь в цоколе старинного каменного дома в испанском квартале отворилась ровно на два пальца, чтобы опознать стучавшего. Жулио произнёс:

— Пьяная макрель, — и дверь распахнулась шире. Он шагнул в узкий проём, а Невский просто просочился через деревянное полотно, не утруждая себя лишними движения-

ми. В жизни призрака есть свои преимущества.

Внутри было темно и прохладно, что приятно контрастировало с жарой на улице. Чахлый сутулый мужчина провёл Жулио по коридору во внутренний дворик, где еле слышно журчал фонтан и в тени деревьев был накрыт стол.

Возле него на удобном деревянном шезлонге развалился мужчина, одетый в чёрное. Рубашка, штаны и ботинки из отличной дорогой кожи — всё было нелепым при такой жаре.

«Нахрена он так вырядился», — подумал Невский, а потом увидел на груди чёрную петлицу в виде языков пламени, и понял, что перед ним чернорубашечник — член фашистской партии.

Итальянец курил толстую ароматную сигару и пил что-то ледяное из высокого стакана, где болтались кусочки льда. Он лениво смотрел на Жулио, который подобострастно подсел к столику и сложил руки на коленях, как школьник.

— Что ты мне принёс, Жулио? — осведомился чернорубашечник, прищурив один глаз от дыма.

— Она отказалась сотрудничать, синьор Пьетро, — виновато произнёс Джулио, пока Невский обходил чернорубашечника и оглядывал его со всех сторон. Вид властного мужчины отталкивал, и Невский пробормотал: «Уууу, фашист проклятый! Гены мои на тебя дыбом встают!»

— И что сказала? — любопытствовал синьор Пьетро, выпустив ещё одно колечко дыма.

— Что не понимает, зачем ей проститутки, когда в госу-

дарственных борделях и так работают девушки совершенно легально. Не хочет ссориться с вами, синьор фашист, — доложил Жулио.

Невского аж перекосило. Он не сдержался и плюнул в стакан прихвостня Муссолини, жалея, что его слюна призрачная, а не настоящая.

— Умная, стерва, — довольно протянул синьор фашист и отпил из осквернённого стакана. — Тем интереснее будет отнять у неё бизнес. Пусть идёт на рынок торговать своими тряпками или в тот же государственный бордель, коли хочет.

— У неё большие связи в вашей партии, синьор Пьетро, — осторожно добавил Жулио. — В её салонах одеваются жёны больших чиновников, и она пользуется их покровительством.

— Ну и пусть одеваются. Кто она будет такая без контрабандных тряпок и духов? Мне нужны её лодочники и курьеры — это же готовая сеть агентов.

Фашист помолчал, с наслаждением докуривая сигару. Жулио молчал и опасливо поглядывал на чёрного, похожего на противного жука, синьора. Тот не торопился.

— Иди. Ищи к ней другие подходы, и если будет что-то новое — приходи. Но не обижайся, если кто-то тебя опередит — на меня работают лучшие специалисты, — презрительно сплюнул на пол синьор Пьетро и сделал знак рукой, означающий «уберите это насекомое с глаз моих долой».

Вслед за спроваженным гостем Невский вышел из дома

и сощурился, провожая взглядом мелко семенящего Жулио. Идти за ним дальше он передумал — вряд ли удастся узнать что-то интересное, да и тратить на него время казалось неправильным.

А ещё внутри свербило после размолвки с девочками, и мучило чувство вины за то, что бросил их одних. Надо было срочно убедиться, что дамы в порядке.

Не успел он подумать о них, как оказался возле ресторана, в котором не было ни единой души, зато криво висела табличка с надписью «Siesta». Но в глубине летней террасы, увитой какими-то выющимися растениями, слышалось голоса. Он просочился сквозь ограду и прошёл к столику, где расположился Марино и с небрежным видом считал деньги. Перед ним на белоснежной скатерти лежали пачки купюр, перетянутые резинками, и он деловито перекладывал наличность из кучки в кучку. Вокруг не было ни души, и только Алёна с Наташей сидели, невидимые для Анджело, и с обожанием в глазах глядели на загорелые мужские руки с деньгами.

— Что, девочки, потекли? — громко поинтересовался Невский и заржал. — Так вот какие мужики вам нравятся? Мачо и при бабках?

Как бы ни пытался он скрыть свои истинные чувства, но был уязвлён.

— Не забывайте, что вы пялитесь на меня! Хоть и в прошлой жизни, — со смехом продолжил он.

Но девочки не пошевелились. Они всё также завороженно следили за Марино, а тот явно был в своей стихии. Грациозный, смуглый, он напоминал сытого кота перед миской сметаны. Девчачьи щёки порозовели, а в глазах горел знакомый огонёк. Невского передёрнуло.

— Э-эй, дамы, я тут и я весь ваш! — помахал он ладонью перед лицами Алёны с Натой, но они не среагировали. — А этот давно уже мёртвый! К тому же его даже потрогать нельзя!

Тогда Невский плюхнулся прямо на пачки денег и развалился на столе, подперев голову кулаком. Но девушки смотрели сквозь него и даже не поменяли позу. Он вскочил и заметался вокруг них:

— Эй, вы что, тоже меня не видите? — и замолчал, пытаюсь уловить хотя бы какой-то проблеск узнавания. Но тщетно.

— Девочки! Ну что за приколы! Хорош меня разыгрывать! — но дамы точно его не слышали. Невский в отчаянии поднял руку и начал разглядывать пальцы на ладонях. — Чёрт, чай грибной что ли отпускает? Я стал прозрачным?

И тут девочки громко рассмеялись, откинувшись на спинку стульев.

— Смотри-ка, испугался! — ликующе воскликнула Алёна, а Наташа не смогла сдержать слёз от смеха. — Не можешь ты без нас, Даня!

Невский побагровел:

— Ну и шутки у вас! — но почти сразу оттаял, радуясь, что две его женщины помирились. Или, по крайней мере, заключили временное соглашение. — Я реально испугался!

— Ну ты посмотри, как он хорош! — умилилась Наташа, кивая на Марино. — Красивый мужчина, при деньгах. Во мне совершенно точно говорит Лаура — и она просто с ума сходит — такой он потрясающий мужчина!

— А во мне — Виттория, — со смехом заключила Алёна. — Мы протаскались с ним всё утро, пока мачо собирал деньги с каких-то подозрительных личностей, а потом заезжал к себе домой. Представляешь, у него есть младшая сестра возраста Лауры, и мы подумали, что он поэтому не воспринимает дочку мафиози всерьёз. А потом он приехал сюда и начал пересчитывать деньги. С тех пор так и сидим. Сиеста у них, понимаешь, все спят, а этот бабки считает.

— Так что ничего интересного, — сложила губы в тонкую полоску Наташа, покачав головой. — А у тебя?

— А у меня, кажется, есть мотив. Только пока ничего непонятно! — выпалил Невский и добавил: — Сдаётся мне, что Лауру убил Жулио. И в деле замешаны фашисты.

Глава 4

Неаполь, лето 1926

— Почему ты так решил, Данила? — спросила Алёна. — Причём тут фашисты?

— Кто-то плохо учил историю в институте, — поддел её Невский, но всё же ответил: — Режим Дуче заставил мафию уйти в подполье. В начале века Каморра была фактически дублирующей властью в стране, заменяя органы правосудия, юстиции, налоговые и другие.

Голос Невского приобрел характерные учительские нотки, и девушки синхронно закатили глаза.

— Ты хотел сказать, что фашисты просто влезли в мафию и забрали все плюшки себе? — переспросила Наташа.

— Не совсем. Скорее они арестовали верхушку, разорили кланы и пролезли во все сферы жизни так плотно, что места для мафии просто не осталось. И она не исчезла, конечно, но затаилась почти на десятилетие. А там на носу уже была война...

— Но от Виттории-то что было нужно? — не унималась Алёна.

— У неё развитая сеть контрабандистов. Лодочники, рыбаки, курьеры. Лаура изучала структуру бизнеса, — пояснила Наташа. — Под прикрытием двух магазинов с предметами роскоши курьеры Виттории разносили по городу контра-

банду — сигареты, спиртное, духи, драгоценности. Всё в обход таможи.

— Это же готовая агентурная сеть для чего угодно — от разведки до торговли! — воскликнул Невский, складывая для себя пазл воедино. — Поэтому фашисты и обратили внимание на богатую вдову.

— Похоже на правду, — согласилась Наташа. — Тогда странно, почему убили Лауру, а не Витторию.

— Что дальше было в твоём сне, Ната? — спросил её Невский, а она посмотрела на Марино, который к тому времени уже пересчитал деньги, разложил их в неприметный чемоданчик и просто смотрел на море, задумчиво теребя в руках стеклянный бокал с виски.

— Лаура застаёт Марино в постели матери и берётся за ум. Начинает всерьёз вникать в дела, прилежно учиться. У неё появляется цель — заменить мать по-настоящему, в том числе в постели Анджело, — медленно говорит Наташа. — На это уходят недели... Неужели мы столько времени будем здесь торчать?

— У меня есть идея. Как думаете, как я здесь оказался? — игриво спросил Невский девушек. Те пожали плечами.

— Просто ты такая задница, Невский, что всегда чувствуешь, где мы, — пошутила Алёна.

— Именно! Я подумал о вас и тут же перенёсся сюда. Давайте попробуем также и подумаем о дне, когда Лауру застрелили. Вдруг получится! — оживился Данила. — Давай-

те руки, и вместе подумаем об этом.

— Надо же! — восхитилась Алёна, когда они открыли глаза, всё ещё держась за руки. — Тут работает сила мысли!

Они стояли у дома Лауры, а над городом занимался рассвет.

— Вот бы мне дома такую суперспособность, — улыбнулся Данила и повернулся к Наташе. — Что сегодня будет происходить?

— Лаура с Чезаре пойдут в салон её матери. Она любит там бывать, представляет, что всё это скоро будет принадлежать ей. И на выходе столкнётся с Жулио, а при виде него поймает плохое предчувствие, что Марино убьют именно сегодня, — Наташа прижала тонкие пальцы к вискам и попыталась вспомнить всё, что здесь происходило. — Я думаю, что надо проследить за Жулио.

— Я тоже так думаю. Потому что он как-то подозрительно крутится рядом, — поддержала Алёна.

Стоило ей проговорить об этом, как они очутились в новом месте — в чьей-то квартире, почти не уступающей по роскоши дому Виттории. В мягком кресле, оббитом жёлтой шелковистой тканью, сидел Марино и задумчиво смотрел в окно.

— Что ты тут делаешь? — раздался голос от двери.

Наша троица увидела молодую девушку в домашнем халате и с растрёпанной косой, лежащей на плече.

— Встречаю рассвет, — нежно сказал Марино и улыбнулся ей. Он был расслаблен и непривычно мягок. Казалось, будто бы его шкурка завязанного мачо осталась лежать где-то у камина, а сейчас он был самим собой. — Иди сюда.

Девушка устремилась к нему и уселась на колени, прижавшись к нему всем телом.

— А ты чего так рано проснулась, Бьянка? — спросил он, поглаживая её спину и целуя в макушку.

— Не спалось, и я слышала шум. Оказалось, это ты. Почему сегодня ты не с Витторией? — спросила она, прижимаясь к нему сильнее.

— Захотелось побыть одному, — ответил он. — Дома.

— Почему ты не женишься на ней? — спросила она, расслабленно закрывая глаза и наслаждаясь объятиями.

— Я никогда не женюсь, — просто сказал Анджело, не отрывая глаз от окна. Небо из чернильно-синего становилось голубым, а у крыш домов уже розовело. Необычные пастельные тона были будто бы взяты из картин художников о зимнем Петербурге.

— Ты всегда так говоришь. Но что это значит? — нежная головка Бьянки с блестящими волосами приподнялась и девушка посмотрела ему в лицо.

— Это значит, что я никогда не женюсь, — со смехом ответил Анджело и погладил её по голове. — А вот ты выйдешь замуж, и нарожаешь кучу маленьких сопливых ребятишек, сестричка. И я буду их баловать, приносить конфеты и да-

вать втайне от тебя!

Бьянка рассмеялась чистым звонким смехом и шлёпнула его по руке.

— Неужели тебе самому не хочется иметь сопливых детишек?

— Нет, не хочется. У меня такое чувство, что у меня не будет детей. И жены не будет. Так и помру старым мерзким холостяком, — улыбнулся Марино. — Буду, как старый Джузеппе, приставать к молоденьким девушкам и делать им непристойные предложения.

— Да ну тебя! Не пугай меня! — Бьянка распахнула глаза и с тревогой уставилась на брата. — Обещай мне, что будешь себя беречь! Кроме тебя, у меня никого нет!

— Обещаю, саго, — рассмеялся Марино и повторно чмокнул её в макушку. — А пока запомни — если со мной что-то случится, то в подвале, под одной из половиц, есть запас денег для тебя. Там есть и золото, если придётся уезжать из страны. Обещай, что если со мной что-то случится, то ты сразу уедешь!

Бьянка вскочила на ноги и гневно посмотрела на него:

— Даже не смей о таком думать! Ты пугаешь меня!

— Ничего не бойся, милая. Всё будет хорошо. Это на меня так действует этот странный рассвет, — улыбнулся Марино и поднялся на ноги. — Приготовишь мне завтрак?

И брат с сестрой покинули комнату.

Эта сцена потрясла Алёну, Наташу и Невского.

— Он чувствует, что сегодня страшный день, — проговорила Наташа. — Не зря Лаура ощущала опасность.

— Может быть, убить правда хотели его? Но промахнулись? — предположила Алёна.

— Нет, он был слишком далеко. Лаура бежала, чтобы его догнать, но слышала только запах духов и смех впереди. Строго говоря, там вообще мог быть не он. Она же полагалась только на догадки и свои чувства.

— Мне кажется, нам уже успели доказать этим сном, что чувства не стоит списывать со счетов, — вклинился Невский. — И пока вы тут любовались мной... в прошлой жизни, я заметил кое-кого поинтереснее.

И он подошёл к распахнутому окну.

— Посмотрите, какой очаровательный грибочек тут вырос, — позвал он девушек.

Под окном в скрюченной позе сидел Жулио и подслушивал.

— Вот говнюк! — возмутилась Наташа и пожалела, что не может ничего ему сделать. — Вылить бы ему на голову содержание ночного горшка!

Алёна тоже умерла и проговорила:

— Он подслушал разговор с сестрой и теперь знает, где у Марино заначка. Вот вам ещё один мотив.

Все трое кивнули.

— Так за кем следим? За Жулио или за Марино? — спросила Наташа.

— Сдаётся мне, что Жулио так и будет следовать за Марино — поэтому пока действуем по ситуации.

Все трое перешли в кухню, где Бьянка жарила яичницу и варила кофе в старинной закопчённой турке, а Марино любовался её фигуркой, расслабленно откинувшись на спинку стула.

— Ты сегодня куда-то уедешь? — спросила сестра, обернувшись.

— Да, как обычно. Нужно работать, — произнёс он. — А ты?

— Я к синьоре Летиции, подшивать платье и закончить вышивку. Там с девочками веселее, чем торчать дома и заниматься шитьём в одиночку.

— Ты же знаешь, что можешь не работать, Бьянка! — нахмурился Марино.

— И чем мне заниматься целыми днями, пока ты живёшь у синьоры Виттории? Нет уж, я хочу приносить пользу и чем-то занять себя.

Мирно позавтракав, каждый отправился по своим делам. Бьянка ушла наверх одеваться, а троица проследовала за её братом. Невский оглянулся и увидел, что Жулио крадётся за ними следом.

Но и у Марино сработала чуйка. Он свернул за угол и спрятался, подождав, пока фашистский прихвостень завернёт за него, и схватил того за грудки.

— Ты чего за мной таскаешься, поганец? — прошипел он,

легко оторвав от земли коротышку.

— Ты чего, Марино! Я шёл по своим делам! — попытался тот отвертеться.

— От самого моего дома? Чего тебе там понадобилось? — слегка прижал он рукой горло жулика.

— Сестра... красивая, — прохрипел тот и немедленно получил удар в живот.

Согнувшись, он закашлялся и грязно выругался, когда смог, наконец, восстановить дыхание.

— Если ты подойдёшь к ней хоть на десяток шагов, я тебя прирежу, — угрожающие прошептал Марино, став похожим на смертельно опасного крупного кота.

— Да пошёл ты, проклятый подкаблучник! Скоро всех вас не станет! — выплюнул Жулио, продолжая растирать горло.

— Если нас не станет, то и тебя тоже. Но раньше, — зло припечатал Марино и сощурил глаза: — Зачем следишь за мной?

— Тебя хочет видеть синьор Пьетро, — сообщил Жулио.

— Кто такой синьор Пьетро?

— Синьор фашист, — ответил Жулио. — Велел привести тебя.

Марино отпустил Жулио и огляделся. Улица была пуста, а Невского и девушек он, само собой, не видел.

— Так вот оно что. Недавние нападения на рыбаков — его рук дело?

— Сам и спросишь. Проклятый каморриста! Пошли! —

и Жулио повернулся, ковыляя в противоположную сторону. Анджело пошёл за ним, но поодаль, осторожно оглядываясь и поглаживая рукоятку пистолета в кобуре, скрытой лёгким пиджаком.

— Не верю я ему, — прошептала Алёна, будто их кто-то мог слышать. — Он просто следил за Марино, и ни к кому звать не хотел.

— И тем не менее позвал. Идём, — ответил Невский. — Я там уже был.

Спустя полчаса они были в том же самом дворике, где до этого был один Жулио. У Невского появилось дежавю — ощущение, что чернорубашечник никуда и не уходил. Та же поза, та же сигара, тот же запотевший стакан с напитком.

Только теперь за столиком сидел Марино, абсолютно раскованно расположившись напротив и закинув ногу на колено.

— Мы хотим с вами договориться, синьор Марино, — лениво цедил сквозь зубы фашист. — Вы отдаёте нам вашу сеть по доставке контрабанды, а мы не трогаем остальной бизнес синьоры Виттории.

— Вы — это кто? Партия Дуче? — уточнил Марино, разглядывая цветы в кадках и подмечая охранников, вытянувшихся в струнку на жаре у каждого выхода.

— Мы — это партия власти. Скоро мы и так доберёмся до всех мафиози, но у вас есть шанс перейти на законные рельсы.

— То есть вы предлагаете безропотно отдать вам самую доходную часть бизнеса и просто отойти в сторону?

— Мы предлагаем сотрудничать с властями, и тогда мы вам ничего не сделаем.

— Интересно, — протянул Марино. — Боюсь, что Виттория не согласится.

— А ей и незачем знать. Вы отдаёте нам все явки-пароли, маршруты и знакомите моих людей со своими. А наутро ваша хозяйка просыпается уже с полностью легальным бизнесом, который у неё останется. И вы чисты!

— К сожалению, я не знаю всех схем до конца, синьор Пьетро. А если бы и знал — то всё равно не сказал бы. Глава клана именно синьора Виттория, и все люди подчиняются ей.

— С женщинами скоро никто не будет иметь никаких дел. Дуче сказал, что удел настоящей итальянки — поддерживать домашний очаг, рожать детей и помалкивать. Поэтому её никто не спросит.

— Вы же знаете, что истинное положение дел другое. Стоит Виттории только узнать, что вы замышляете, и она тут же поднимет всех солдат-каморристов и они попросту вырежут тех, кто пытается играть у неё за спиной. В Неаполе уже всё поделено, и вы пытаетесь нарушить хрупкое равновесие.

— Если вы ей ни о чём не скажете, то она и не узнает. А своим молчанием сохраните женщине жизнь.

Невский, напряжённо вслушивающийся в разговор, про-

изнёс:

— Ему почему-то очень важно сохранить всё в тайне от Виттории. Интересно, почему?

Марино, помолчав, сказал:

— Я хочу взять два дня на размышление. От меня Виттория ничего не узнает — даю слово. Но если она поймёт что-то сама из-за действий ваших людей, — и Марино выразительно посмотрел на Жулио, — то вы получите новую войну на улицах города. Подумайте хорошенько!

Он поднялся на ноги, одёрнул штанины и вышел, не прощаясь. Один из охранников пропустил его и открыл дверь на улицу. Невский поспешил за ним.

Алёна с Наташей замешкались и слышали продолжение беседы.

— Он решил нас слить этой бабе, — задумчиво проговорил синьор фашист, посмотрев на Жулио. — Его придётся убрать.

— Может быть, ещё рано, синьор Пьетро? — заискивающе проговорил тот.

— Нет. Такие, как он, никогда не ведут честную игру. Его нужно убрать сегодня же. И важно, чтобы он не успел рассказать Виттории обо мне. Убей его сегодня же. Важно, чтобы он не просто исчез, а именно был убит и чтобы его сразу же нашли. Понял? Это будет сигнал для Виттории.

— Да, синьор, — прошептал Жулио и скрылся.

Невский широким шагом шагал за Марино, когда его до-

гнали девушки. Они пересказали ему приказ фашиста, и он побледнел.

— Вот суки! — прорычал он. — Я так и знал! Выходит, и Лаура не зря боялась. Давайте за Марино, надо узнать, что он предпримет.

Несколько часов Анджело искал Витторию, но той нигде не было. Он заезжал домой и оставил ей сообщение, что нужно срочно увидеться. Потом поехал по обычному её маршруту, но никто не видел Витторию. Она словно сквозь землю провалилась.

Невский начинал нервничать.

— Инетресно, а мы можем что-нибудь изменить? — в отчаянии вопрошал он. Потом подходил к Марино и орал ему на ухо. Но тот и бровью не вёл — пришельцы были для него невидимы.

Тем временем время перевалило за полдень, и началась сиеста. Жара одурающе действовала на всю троицу, а неаполитанцы попрятались по домам.

— Лаура уже, наверное, увидела Жулио и мечется в поисках Марино, — прошептала Наташа, утирая пот со лба.

— Ты говорила, что Марино встретится с этим жалким придурком, и там их увидит Лаура? Может быть, пойдём сразу туда?

Все трое взяли за руки и перенеслись прямо в квартиру, где напротив Жулио сидел Марино. Ещё двое мутных типов сидели за столом и сверлили взглядом гостя.

— Передай своему хозяину, что я узнал его. И Виттории не понравится то, что я ей расскажу. Никаких сделок между нами невозможно, — отрезал Марино и тут от окна послышалось сдавленное «Ай!».

Лаура метнулась из-под окна секундой ранее, чем к нему подошёл Жулио и захлопнул окно.

Марино встал и, не прощаясь, вышел из квартиры. Трое других в то же мгновение подорвались за ним, переглядываясь.

— Не нравятся мне их взгляды! — сказал Невский.

Но на улице они отделились от Марино и ушли в другую сторону. Он же небрежной походкой направился в таверну «Морской дьявол» и сел там за дальний столик в углу, заказав себе выпивку и жареную мелкую рыбку. Сняв пиджак и закатав рукава, принялся обглаживать хрустящую тушку и вливать в себя спиртное.

Невский сидел напротив него нос к носу и твердил:

— Ну какого ты бухаешь? Соберись, иди найди девчонку и расскажи всё её матери! Давай. Ну давай же!

Но Марино смотрел сквозь него и меланхолично пил. Что было у него в голове?

На улице скучала Лаура, поглядывая на мороженщика. Возле неё сидели Наташа с Алёной, тревожно переглядываясь.

— Ты же волшебница! Ну услышь меня! Тебе нужно уходить отсюда! — шептала Наташа и тревожно хмурила брови.

— У тебя же способности! Перестань тревожиться за него и подумай о себе! Беги! Беги, Лаура!

Но ничего не выходило. Лаура не сводила глаз с таверны, находясь на виду у всей улицы. Алёна напряжённо всматривалась в прохожих, пытаясь угадать, откуда придёт опасность.

— Бесполезно! — сокрушённо проговорила Наташа, повесив голову. — Я не хочу смотреть, как её убивают! Я не переживу этого вновь!

И тут дверь таверны отворилась.

Глава 5

Неаполь, лето 1926

Марино пулей вылетел оттуда, таща за руку девицу, в которой Алёна узнала Бьянку. Та что-то быстро говорила ему, но он хмурился и практически волок её по улице. Оглядевшись вокруг, он принял решение идти прямо, не замечая Лауру, которая в это время отвлеклась на закат.

Переругиваясь, брат с сестрой пронесли мимо Наташи и Алёны, а за ними сквозь стену таверны прошёл Невский и устремился к девушкам.

— Бьянка пришла сказать, что у дома увидела засаду из вооруженных чернорубашечников. Она велела Марино не ходить ни к ней домой, ни к Виттории. А он наорал на неё за то, что она осмелилась прийти одна в таверну, где сидят мужчины.

— Ох уж эти мужчины, в самый ненужный момент думают о приличиях! — проворчала Алёна и тут же оживилась: — Лаура уже побежала за ними. Скорее!

На всех парах тройца рванула за девочкой, которая не умела бегать быстро. Марино скрылся из вида, и только запах его духов вёл их по его следу.

— Всё как в моём сне, — задыхаясь, произнесла Наташа. — Один в один!

— Давайте перенесёмся к Марино! — предложил Нев-

ский, но Алёна отмела его предложение:

— Тогда мы точно упустим Лауру! Нет, давайте просто ускоримся!

Было видно, что юная итальянка пребывает в расстроенных чувствах. Она неловко бежала, высоко задирая ноги и поднимая голову к небу. По лицу катились слёзы.

Внезапно раздался выстрел и она упала, нелепо взмахнув руками. Сзади на белом платье разливалось кровавое пятно, но при падении она упала на спину и стало заметно, что пуля либо прошла навывлет, либо остановилась где-то на выходе, потому что на груди тоже расплывалось красное пятно. Тёмные глаза неподвижно смотрели в небо и в них отражались жёлтые фонари.

Оглянувшись назад, Невский заметил Жулио, который прятал пистолет в кобуру и рванул в ту сторону, куда ушли Марино с Бьянко. Он рванул за ним, краем глаза замечая, как плачущая Наташа присела возле тела Лауры и пыталась дотронуться до него. За ней со скорбным видом стояла Алёна.

— Пошли, — тронула она за плечо Наташу. — История ещё не закончилась.

Та поднялась, и они вновь побежали, догоняя Невского и Жулио. Пробежав ещё несколько десятков метров, они неожиданно выбежали на пляж. До самого горизонта простиралось тёмно-синее море и небо, всё ещё освещаемое последними лучами солнца, севшего за горизонт.

У кромки воды в крайнем волнении стояла Бьянка, а навстречу им бежал Марино — очевидно, на звук выстрела.

Невский и Анджело оказались лицом к лицу, когда грянул второй выстрел и пуля, пролетев сквозь Данилу, пронзила грудь Марино. Он пошатнулся, грязно выругавшись, и упал на песок, полностью повторив позу, в которой он лежал на картине Лауры.

Жулио, прицелившись ещё раз, выстрелил в Бьянку и, убедившись, что оба человека мертвы, скрылся на боковой улочке.

Солнце село за горизонт, погружая город в темноту, и со всех сторон к месту происшествия бежали люди.

Невский сел на песок, обхватив голову рукой, и впервые в жизни беззвучно заплакал на виду у Алёны. А когда открыл глаза — то увидел, что никакого Неаполя нет. Все трое сидели на кухоньке у деда Семёныча и рассеянно потирали глаза, как после долгого сна.

— Ну что, детки, проснулись? — ласково проговорил старичок и плеснул каждому кипячёной воды в граненые стаканы. — Если во рту пересохло, то пейте.

Алёна тут же ощутила, что язык распух и в горло будто насыпало песка. Она схватила стакан и залпом осушила, разглядывая обалдевшие глаза Невского и Наташи. Они оглядывались по сторонам, будто бы только что вернулись с того света. Да, по сути, это так и было.

— Мы точно там были? И видели все одно и то же? —

осторожно спросила она, поглядывая, как Невский с опаской нюхает воду и всё-таки поддается жажде. Наташа, напротив, не стала выбирать и тут же опустошила стакан, чтобы заглушить дикую жажду.

— Да были, были, — проворчал Невский. — Иван Семёнович, может быть вы расскажете нам, кто вы такой и чем нас опоили?

Загорелый мужичок побряхтел, загадочно улыбаясь. Потом прошёлся по кухне, переставляя привычными движениями вещи. Наконец, обернулся к ним и сказал:

— Ничем я вас не опаивал! Просто попили чайку с целебными травками да грибочками, а дальше вы уже сами. Что самое наболевшее было, то и увидели.

— А вы видели то же самое? — спросила Наташа, вытирая мокрые губы.

— Ээ, нет, — покачал головой Иван Семёнович и снова улыбнулся. — Каждый видит только свои сказки. Просто так вышло, что у вас она одна на троих.

— Ну и зачем всё это было? — Невский вдруг вспомнил начало путешествия и посмотрел на свой пупок. Но тот был скрыт футболкой и выглядел как обычно, без всяких канатов и узлов. — Ещё и Наташу сюда заманили...

— Даня, ну как ты можешь? — вдруг перебила его Наташа. — Какая разница, как мы это увидели? Тебя не удивляет, что мы были в прошлой жизни, видели мою смерть, видели тебя и Алёну? И всё равно не смогли ничего изменить?

— А почему мы не смогли ничего изменить? — спросила Алёна и посмотрела на старика.

Но тот недоуменно пожал плечами и проговорил:

— Откуда я знаю? Я же даже не в курсе, что вы видели! Какой с меня спрос?

— А как мы могли что-то изменить, если нас никто не видел и мы не могли даже предметы двигать, не то что менять ход событий! — вспыхнул Невский и, вскочив со стула, заходил по комнате.

Потом вдруг его ярость переключилась на другой объект и он повернулся к хозяину избушки:

— А вы не боитесь, что в следующий раз я приеду с полицией? И вас посадят за распространение запрещённых веществ? — он зло смотрел на Семёныча и уже соображал, что он может сделать на официальном уровне.

— Да что ты, милоч, — вдруг прикинулся совсем дряхлым дед. — Ну какое распространение, каких веществ? Чагу вон в грибной аптеке продают, да и другие травки мои тоже простые. Мелисса да зверобой, ну и душицы немного. Ты не серчай, милый, а лучше домой езжай. Припозднились вы, давно уж у меня торчите. Пора и честь знать!

— Нет, ты подожди, старый! Где тут у тебя вход в бункер? — и Невский помчался выглядывать ту дверцу, через которую гости попали в куполообразный зал. — А ну открывай!

— Кого? Кладовку мою? Ну смотри, коли приспичило! — и Иван Семёнович отворил дверь, закрытую на ключ. Тут и

правда было кладовка, в которой были прибиты деревянные полки, а на них ровными рядами стояли банки с огурцами, вареньем, грибами. Висели сушёные веники, пучки трав и на полу стояли пластиковые вёдра с мёдом.

Невский лично проверил каждый угол — кладовка как кладовка, никаких тайных дверей, ведущих в бункер.

— Чертовщина какая-то! — выругался он. Но потом, собравшись с мыслями, скомандовал: — Девочки, пошлите отсюда! Пока нас ещё чем-то не опоили!

Толкнул дверь избушки и вышел в лес. Неожиданно выяснилось, что стоит глубокая ночь. Круглая луна светит над лесом, а деревья шумят как-то слишком зловеще. Он повернулся на освещённые окна хаты, но стиснул зубы и решил не возвращаться.

Тем временем Иван Семёнович в избушке ласково говорил девушкам, подавая их одежду:

— Вы идите, идите. Тропинка вас выведет. Ничо, не заплутаете небось, — и быстренько выпроводил за дверь.

Ночью в лесу было сыро и холодно. Поёживаясь, Невский достал телефон и включил фонарик, тут же осветив тропинку. Стало полегче.

— Пошлите, тут вроде недолго идти, — скомандовал он, хорохорясь. — Давайте, гуськом! Тут деревня рядом, бояться нечего.

Изо рта шёл пар, а сухие иголки и листья шуршали под ногами. Первой подавала голос Наташа:

— Как вы думаете, зачем нам всё это показали?

— Мне кажется, для того, чтобы мы узнали, что уже не первый раз встречаемся все вместе. Но, конечно, то, что я была твоей матерью, это за гранью, — высказалась Алёна. — И ты опять хотела увести у меня мужчину, как и сейчас!

— Да ничего я не хотела! — вспылила Наташа. — Так само получилось! Я правда ничего такого не хотела!

— Бла-бла-бла, — зло ответила Алёна и добавила: — Тупее отмазки я не слышала. Тебе что, пять лет, чтобы не понимать, как оно так само получилось?

— Девочки, не ссорьтесь, — подал голос Невский. — Я, как всегда, во всём виноват. Для меня это уже привычно, так что пусть так и остаётся. Давайте сначала хотя бы до деревни выйдем, а там уж и отношения будем выяснять.

— Ты, Алёна, всегда думаешь только о себе! Тебе плевать, что чувствуют другие. А Невский для тебя — как священная корова, всю жизнь тебя надо жалеть за твой неудавшийся брак и пылинки сдувать. Ты хоть раз задумалась о том, что у меня на душе? — Наташу уже было не остановить.

— Так вот оно что! Так ты думаешь обо мне на самом деле? А ещё подруга! Ты всё время за спиной мне завидовала что ли? — окрысилась Алёна, а Невский почувствовал себя паршиво.

— Да было бы чему завидовать! Мы обе с тобой хороши — две перезрелые девушки, которым под сорокет. Всё мечтаем о любви, да о каких-то светлых чувствах. А жизнь она

идёт, Алён, понимаешь? Вот прямо сейчас идёт! Наши одноклассницы уже не просто нарожали детей, старшие у них уже скоро закончат школу! У всех семьи, заботы, какие-то планы и достижения. А что есть у тебя и у меня, кроме работы? И мечты о любви? — Наташа так долго копила в себе эти мысли, что они выплеснулись как бы сами собой, независимо от её воли.

— Не знаю, что есть у тебя, а у меня прекрасные родители, шикарная карьера и множество поклонников! — зло бросила Алёна и ускорила шаг, подгоняя Невского в спину.

— Ага, но один Невский на уме, потому что никто так и не смог с ним сравниться!

Тут уже Данила не выдержал и круто развернулся на тропинке, чуть не задев Алёну:

— Я сказал, хватит! Вы можете хотя бы не ругаться при мне? Когда меня не будет, можете хоть глотки перегрызть себе! А сейчас я не хочу этого слушать! Вы мне обе дороги, я вас знаю больше двадцати лет. И не хочу это выслушивать!

— О, дорогой, а может быть, заведёшь гарем? Вместо одной — целых две жены! Представляешь, как будет круто! Одна будет с тобой собачиться, другая — пятки лизать. Шикарно же? — Алёна издевательски захохотала. Где-то в вышине каркнула ворона и, хлопая крыльями, перелетела с ветки на ветку. — Я знаю, даже романы такие пишут про тройник, читательницы тащатся от таких раскладов!

— Алёна, угомонись! — прошипел Данила, придвигаясь

к ней и пытаюсь руками закрыть ей рот. Но неожиданно Алёна подалась к нему навстречу и, прильнув всем телом, поцеловала.

Перед глазами промелькнули секунды, минуты, века. Вся история их любви всколыхнулась от этого поцелуя. Это было то самое чувство, за которым он ехал сюда из Питера и которое пытался воспроизвести со всеми другими женщинами вместо Алёны. Ради этих моментов он, по сути, и жил. И понял это слишком поздно.

Внезапно кто-то пихнул его в плечо, и Невский, открыв глаза, увидел удаляющуюся фигурку Наташи, которая включила фонарик на своём телефоне и пошла вперёд. Но он малодушно закрыл глаза и продолжил целовать мягкие манящие губы, не желая их отпускать.

Он не помнил, как они добрались до машины. Не зажигая света и не заводя мотора, рухнули на заднее сиденье пахнущего новым салоном «китайца» и остановили время. Холодный воздух обжигал кожу, но очень скоро окна запотели и в машине стало теплее. Обнажённая Алёна в свете Луны выглядела, словно древняя нимфа или лесная ведьма, и глаза её блестели, отражая посланный на Землю свет.

Когда первая страсть была утолена, они с Невским оделись и завели машину, потому что обоим была крупная дрожь. Искусанные губы и саднящие бёдра заставили Алёну счастливо улыбнуться, отвернувшись к окну. Она терпеть не могла секс в машине из-за его неудобства, тесного про-

странства и невозможности расслабиться после, но сейчас тело счастливо пело и дарило ощущения покоя и правильности всего, что произошло.

Невский наконец справился с управлением и выехал по ухабистой просёлочной дороге на трассу. Он ехал, то и дело поглядывая на Алёну и прокручивая в мыслях всё, что между ними произошло. В голове билась только одна мысль: «Я тебя больше никуда не отпущу!»

Когда он заехал во двор своего дома, то обнаружил, что Алёна успела уснуть на сиденье и свесила голову на грудь. Невский осторожно разбудил её и, взяв полусонную за руку, отвёл к себе в квартиру. На пороге в позе копилки уже сидела Буся и сонно моргала глазами на ярком свете.

— Бусечка, — пробормотала Алёна, и опустилась на колени. — Дай угадаю, этот плохой хозяин забыл насыпать тебе корма и ты голодная?

Она взяла кошку на руки и приласкала её, не глядя на «плохого хозяина». Потом понесла её в кухню, где долго ворковала и гремела шкафами и посудой, насыпая корм и наливая воду кошке. Та нежно тёрлась о Алёну и с трудом терпела её ласки, порываясь остаться с миской один на один.

Потом Алёна спешно отбыла в ванную и долго там намылась, но Невский мужественно боролся со сном, дожидаясь её. Когда же она вернулась вся распаренная и пухнувшая мужским гелем для душа, он счастливо распахнул свои объятия, намереваясь продолжить любовные утехы.

Но Алёна, брезгливо поморщившись, отрезала:

— В душ и смени простыни, Невский! Я тебя ещё не простила!

И, нарядившись в одну из чистых футболок, найденных в его шкафу, она прихватила шерстяной плед с соседней полки и величественно удалилась спать на диван в гостиной.

Глава 6

Самара, 2025

За окном раздалось громкое карканье и Невский резко проснулся. Тусклый свет пробивался в окно, напоминая, что в Поволжье наступила самая противная часть осени. Та самая, когда недостаток солнечного света попросту отравляет существование, а горячий кофе дарит бодрость совсем ненадолго.

Данила встал и подошёл к окну, под которым уже всюду ездил машины. Светофоры прорезали белёсую реальность яркими огнями, а люди, накрывшись зонтами, спешили по своим делам. Он оглянулся на кровать, где вторая подушка так и осталась нетронутой. В одних трусах Невский прокрался в гостиную и замер — значит, не померещилось.

Его прошлое и будущее, его Алёна свернулась калачиком на диване и накрылась с головой тёплым пледом. У неё в ногах спало серое полосатое чудовище в розовой попоне. Вчера никто не обработал блохастой рану, но недаром же говорят — заживает, как на кошке... Выздоровеет, никуда не денется.

Буся, услышав шорох, подняла голову и, невнятно мурлыкнув, прыгнула с дивана, а потом деловито потопала к миске. Возле неё села копилкой и, вперив в Невского зелёные глаза, требовательно мяукнула.

— Да не ори ты, — пробурчал Данила и насыпал кошке корм. — На, жри!

Буся, ничуть не оскорбившись, накинулась на еду и начала хрумкать сухими кусочками. Рядом стояла миска с водой, в которой плавали шерстинки и ещё какие-то крошки. Пришлось ещё налить блохастой свежей воды, и только потом пойти делать свои утренние дела.

Через полчаса Даня поджаривал на сковороде блины с ветчиной и сыром, найденные в морозилке. Подумав, что доставка и полуфабрикаты — настоящее спасение, он долил воды в кофемашину и запустил этот вопящий, как тысяча чертей, агрегат.

— Я так и знала, что ты не дашь мне поспать, — послышалось за спиной, и он ухмыльнулся. Обернувшись, медленно скользнул взглядом по соблазнительной фигурке: длинные ноги из-под просторной футболки, которая не скрывает того, что прячется под ней. Лохматая голова Алёны добавляла картине пикантности и домашней теплоты. Он скользнул руками под футболку, мягко сжав ягодицу, и поцеловал бывшую жену в носик.

— Зато я приготовил завтрак! И у тебя есть время на душ и пёрышки!

— Мне уже не двадцать лет, чтобы спать на диване. Я хочу свою ортопедическую подушку и мой любимый матрас! — ворчливо произнесла она, потирая шею.

— Не вредничай! Ты сама выбрала диван, так что сделай

вид, что ты тонкая и звонкая, как в юности, и иди под душ. Пока я не передумал и не занял тебя кое-чем другим!

Алёна недовольно поджала губы и, развернувшись на пятках, отправилась в ванну, а Даня продолжал колдовать над сервировкой. Он знал толк в эстетике, и любил, чтобы приёмы пищи были неторопливые и обстоятельные.

Когда они сели за стол, то за окном вдруг промелькнула ворона. А потом, вернувшись, села на отлив с той стороны окна и громко каркнула. Невский дёрнулся и обжёгся горячим кофе.

— Как она меня достала! Каркает и каркает! — выругался он и облизал обожжённое место на губе. — Долбаная ворона!

— Какая ворона? — спросила Алёна, деловито отрезавшая вилком и ножкой фаршированный блин.

— Ты прикалываешься? — приподнял бровь Даня и установился в окно, где наглая тварь косила на него чёрным глазом и не сводила колдовского взгляда.

Рука Алёны замерла и она ответила:

— Ты реально видишь здесь ворону? — и она закрутила головой, пытаясь понять, где сидит птица. — И где же она?

— Да за окном! — не выдержал Даня, подошёл к окну и с силой постучал костяшками пальцев по стеклу. — Сидит и каркает!

Алёна подошла сзади, не дотрагиваясь, и пробормотала:

— Тут нет никакой вороны! — и легонько щекотнула во-

лоски его шею. Тело мгновенно напряглось.

Даня круто развернулся и заключил её в объятия:

— Ты снова издеваешься? Да? — и поцеловал, ощутив на губах аромат кофе.

— Данила, не сейчас, — освободилась Алёна и спросила.

— Какой сегодня день?

Но он помотал головой, сожалея, что она не позволила ему закончить начатое.

— Я и сам не знаю... с этой аварией, головой, кошкой, видением. Всё перемешалось!

— Как твоя голова? — встрепелась Алёна. — Болит?

— На удивление, нет, — Невский принялся ощупывать голову и понял, что никаких следов происшествия на коже больше нет. — Как будто взял и выздоровел!

— Ворона откаркала, — пошутила Алёна.

— Ты мне тут поязви ещё, — шутливо сказал Невский и шлёпнул Алёну пониже спины. — Чем сегодня займёмся?

— Я, пожалуй, возьму новые билеты на море. Раз уж я уступила тебе в прошлый раз, то в этот раз ты уступишь мне. И полетишь со мной!

Алёна обвила руками Данилу и потёрлась об него носом, как кошка. Буся внизу тоже потёрлась о его ноги, и он ощутил себя счастливым.

— А как же мои дела? Дед Семёныч? Нужно заставить его подписать бумаги, и я свободен, — пробормотал он в ароматную шею.

— Как ты его заставишь? Он же колдун? — Алёна развернулась в его объятиях и уставилась в окно.

— Ну и на колдунов есть управа, — парировал Даня. — Ты разве не слышала про Инквизицию? Костры по всей Европе?

Алёна вздрогнула и отпрянула, а Даня продолжил:

— Главное, ничего не есть и не пить у этого чудака, а дальше как-нибудь уговорим.

— Ну уж нет! Если тебе охота снова куда-то провалиться и блуждать там, как привидение, то мне нет. Меня зовёт море! В Крым хочу!

— Ты же знаешь, там не очень безопасно... — протянул Невский, но Алёна его перебила.

— Между прочим, Даня, ты мне должен. Из-за тебя сорвался крупный контракт с твоей фирмой и я потеряла часть дохода. А сейчас вообще моя контора закрывается, и я останусь без работы.

— Серьёзно что ли? — Невский отпрянул, ощущая неприятные сосущие позывы в животе. Он знал это чувство — привык чувствовать себя виноватым. Ведь он действительно сгоряча принял решение о сотрудничестве с Алёной, преследуя корыстные цели. Но зато сейчас, когда она была так близко, ему было хорошо и спокойно. Именно по этому чувству он страдал в Питере. Будто бы всё на своих местах.

— Ну, не совсем из-за тебя, конечно. Просто собственник отчего-то решил закрыть фирму. Для всех нас это было сюр-

призом...

— Очень странно, — Невский почесал затылок и залпом допил кофе. — Но не переживай — если что, я тебя прокормлю.

Он подошёл к ней, обнял, зарылся носом в волосы Алёны и вдохнул любимый аромат. Почему он сбежал от неё в прошлом?

Каждый раз, когда он обнаруживал себя далеко от неё, с разбитым сердцем, то долго не мог понять, почему всё так случилось. Первым всегда бежал он, рвал отношения, причиняя боль, и не мог находиться рядом. А потом жалел, страдал, и пытался залечить раны очередной красоткой. Он и женился-то только для того, чтобы доказать самому себе, что сможет построить свою жизнь без Алёны, пока она там кушает локти.

— А если Иван Семёнович не подпишет твои бумаги? Тебя тоже уволят? — хихикнула она, обнимая Даню и прижимаясь головой к его груди.

— Кто меня уволит, я же совладелец, — прошептал он.

— Ну пусть тогда поработает кто-то другой, а мы с тобой побудем вдвоём. Далеко отсюда, — прошептала Алёна.

Невский поглядел на неё, но отказать не смог. Вздохнув, он пошёл за ноутбуком, чтобы купить билеты и подобрать им гостиницу.

Хмурое утро не добавила Наташе настроения. Утренний

созвон с командой прошёл вяло, и она с удовольствием пролежала всю планёрку в кровати. Благо, в их компании было принято проводить такие встречи без камер.

Отложив ноутбук, она перевернулась на бок и решила ещё поспать. Состояние было странное — как после затяжного похмелья. На душе было гадко и беспокойно. Хотелось укрыться одеялом с головой и забыть события последних нескольких дней.

За каких-то пару суток она умудрилась раскрыть свои чувства перед Невским (а скрывала их почти двадцать лет), предать подругу и потерять их обоих. А ещё она не смогла спасти Лауру и сделала для себя неприятное открытие — оказывается, и Марино и Виттория до сих пор присутствуют в её жизни, только в другом обличье. Надо же! Очень сильно похоже на бред, но...

Остро захотелось кофе. Бока от долгого лежания в кровати уже болели, и нужно было вставать, но сил на это не было совершенно. Что теперь ей делать? Как жить дальше? Как быть без подруги, дружбе с которой уже больше двадцати лет? Стоила ли эта ночь такой цены?

Наташа со вздохом опустила ступни на ледяной пол и поморщилась. Она до сих пор не могла объяснить. — как так получилось. Вот они обсуждали его кошечку, а вот он уже сверху и Наташа теряет голову от страсти. И счастья.

Тряхнув головой, она поднялась и побрела в ванную. Из зеркала на неё смотрело бледное осунувшееся лицо с мут-

ными глазами и синяками вокруг, а волосы выглядели тусклыми и безжизненными. Всё тело ломило, и ей пришлось в голову померить температуру. Вдруг заболела?

«Ну конечно, заболела» — подумала она, открывая кран и подставляя ладони под ледяные струи воды. — «Совесть твоя заболела».

После душа и кофе стало полегче. Через час планировалось совещание, и надо было к нему подготовиться. Пока кофеин действовал, стоило быстро набросать план встречи и подготовиться, потому что на этот раз включенные камеры были обязательны.

Вот уже четыре года Наташа работала сценаристом познавательно-развлекательного канала. Используя юридические навыки, она виртуозно штудировала источники и исправно выдавала контент на часовые видео для аудитории, увлекающейся околонуточными открытиями и фактами. Она и сама любила узнавать новое — это была её страсть. И рассказывать другим то, о чём узнавала сама, было любимым делом чуть ли не с детства.

Сейчас же сотрудничество с двумя успешными каналами давало ей отличный доход и полную свободу действий, потому что работа была удалённая. Обязательная утренняя планёрка, дедлайны, вовремя сданный сценарий и быстрое внесение правок — за несколько лет система выстроилась настолько плотно, что практически не давала сбоев.

Раньше, когда она работала штатным юристом в админи-

страции, ей тоже нравилось писать длинные исковые заявления, со вкусом и особым торжеством отвечать на доводы истцов, строча отзывы и жалобы в суд. Но с тех пор прошло слишком много времени — в её жизни случился развод, потом пришлось одной растить сына — и вот сейчас, наконец, она могла строить жизнь так, как хотела. А дисциплина, привитая за годы юридической практики, помогла подстроить удалёнку под себя без особых проблем.

Серёжа, её шестнадцатилетний сын, постоянно жил и тренировался на базе училища олимпийского резерва в Москве. Он с детства занимался лёгкой атлетикой и уехал в столицу сразу после девятого класса, поступив на бюджетное место. Наташа сильно скучала по своему мальчику, но он рано стал серьёзным мужчиной и свою судьбу решил сам. Поэтому она втайне гордилась тем, какой он вырос. Фотографии его стояли у неё на кухне, в спальне, в гостиной, а на самом видном месте висела медальница, полная наград и золотистых кубков.

Налив себе большую кружку кофе — вторую за сегодня — Наташа открыла ноутбук и подключилась к конференции, постаравшись сосредоточиться на цифрах из последнего ролика. Процент досматриваемости, аудитории из рекомендаций, точка отвала зрителей... Все эти показатели говорили о том, что видео «залетело». А значит, нужно тщательно проанализировать все факторы и постараться их повторить в следующем ролике, чтобы закрепить успех. Значение име-

ло всё: заголовок, описание, обложка видео, текст сценария, голос и интонация ведущего, визуальный ряд. Производство контента на каналы с длинными видео — огромная работа пяти-шести членов команды, и только стабильность и регулярность позволяют добиться успеха и удержаться в топе.

К концу созвона в заметках у Наташи были исписаны два листа, а в голове уже выстроилась структура следующего сценария. Срок сдачи первого варианта — через три дня, а потом останется только «допиливать» и править. Значит, сегодня можно прошерстить источники, накидать «рыбу» ролика и дальше уже заниматься каждым разделом.

Думая, что достигла рабочего состояния, Наташа тут же создала новый файл, но так и не написала в нём ни строчки. Мысли её были далеко.

Впервые столкнувшись с неосознанным — дед этот, грибной чай, кармические узлы с Даней и Алёной, видения и путешествие по сну — Наташа не могла перестать думать об этом.

Почему в прошлой жизни Алёна-Виттория была её матерью? Что за извращённые насмешки судьбы, когда мать и дочь вынуждены делить одного мужчину? И почему Невский — что, на нём свет клином сошёлся? Почему они вот уже вторую жизнь живут бок о бок и любят одного мужчину?

Прикрыв глаза, Наташа вдохнула. Любовь к мужу подруги стала чем-то вроде привычной боли, которую прячешь внутри, а когда она усиливается, глушишь таблеткой. Как и все

студентки, она тоже была в него влюблена в универе. Но, если бы не Алёна, то наверняка выпустилась бы после пятого курса и забыла. А тут ей пришлось постоянно с ним видеться, слышать его голос, наблюдать, как счастлива подруга. Переживая перипетии её жизни, она попросту молчала о своих чувствах, надеясь, что это когда-нибудь пройдёт.

А потом надеялась вышибить клин клином и встретила Серёжиного папу. Выскочила замуж, родила сына. И вроде бы даже думала, что любит, но... Они с мужем выросли и перестали цепляться друг за друга, ощутив, насколько чужими на самом деле стали друг для друга. Мирно развелись, и теперь каждый жил своей жизнью.

Поэтому сказать, что она была несчастна, Наташа не могла. Бывший муж помогал сыну финансово, сама она жила в квартире, которую он оставил, когда съехал к другой женщине. У неё была свобода и любимая работа, которая не отнимала много времени и сил. В сорок лет жизнь только начинается!

Нет, сегодня не выйдет написать ни строчки... Мысли слишком разбредаются, и надо их как-то собрать. Обычно в этом помогал спорт — и Наташа решила, что сходит в тренажерный зал, покрутит педали и поплавает в бассейне. Это всегда помогало.

Собирая сумку и роясь в вещах в поисках купальника, Наташа начала напевать любимую мелодию. Неожиданно быстро нашлось всё — и лосины, и сланцы, и плавательные очки.

Повернувшись от шкафа к центру комнаты, она от неожиданности завизжала и побелела, как полотно.

В центре комнаты в луже крови лежал человек, но лицо его было мертвенно-белым. Будто бы из него вышла вся кровь до последней капли. В воздухе стоял металлический запах, оседая на языке и вызывая тошноту своей сладковатой приторностью. Наташа сползла по стенке вниз и плотно зажмурила глаза, но это не помогло. Обескровленный труп не исчезал, а мерзкий железный запах так и витал в воздухе.

По стеночке Наташа дошла до стола и схватила телефон, по привычке набирая дрожащими пальцами Алёну — потому что больше и некому было звонить.

— Да? — бесстрастный голос подруги прорвал тишину и Наташа судорожно всхлипнула.

— Алёна, у меня посреди квартиры... труп и лужа крови. Что мне делать?

— В каком смысле? — оторопела подруга.

— Не знаю... Он сам появился. И он... пахнет. Кровью пахнет! — всхлипнула от ужаса Наташа, готовая отключиться и уйти в спасительный обморок.

— Сделай фотку! — скомандовала Алёна и Наташа, не разъединяя звонок, щёлкнула камерой.

— На фото ничего нет! — выдохнула она. — Как такое может быть?

— Подойди и потрогай его! — Алёна говорила жёстким голосом, не терпевшим возражений.

— Я... Я не м-могу, — простонала Наташа.

Но потом, осторожно сделав пару шагов, дотронулась до границы лужи крови и ощутила, что на пальцах ничего нет. Просто прохладный гладкий пол, а труп в луже крови внезапно исчез.

— Всё пропало, — сказала Наташа. — В смысле, видение ушло. Кошмар... Я схожу с ума!

— Ты как? — уже мягче проговорила Алёна. — Сильно испугалась?

— Да! Это было... ужасно! Спасибо тебе! — Наташа прошептала и отключилась, потому что сил на разговоры уже не осталось.

Но через пять минут, за которые Наташа заставила себя сделать десять глубоких вдохов и выдохов, смартфон снова зазвонил.

— Знаешь что, собирайся давай. У Дани тоже вороны каркают, и мне это нет нравится. Надо ехать, — скороговоркой в трубку проговорила Алёна.

— Куда ехать? — бескровными губами прошептала её подруга.

— Ну выбор простой: либо в дурку, либо к деду. Ты куда выбираешь? — усмехнулся голос в трубке.

— Лучше к деду, — сдалась Наташа. — Пусть объяснит, что происходит.

— Вот и я так думаю. Собирайся, я за тобой заеду.

Наташа закрыла глаза и прислонилась затылком к стене.

Когда это закончится?

Глава 7

Самара, 2025

Алёна уверенно вела автомобиль сквозь туманную мглу. Видимость на дороге была отвратительной. Невский, сидевший рядом, любовался её профилем и иногда ёрзал на сиденье, стараясь не думать о том, что на заднем сиденье притаилась Наташа. В целом абсурдность ситуации его бесила — он никогда ещё не общался одновременно с двумя своими любовницами, и не знал, как себя вести. Казалось бы — взрослый мужик, а нет. Сердце выпрыгивало из груди, будто ему было двадцать, и от исхода сегодняшних событий зависела вся дальнейшая жизнь.

Только вот когда тебе двадцать — у тебя есть время для манёвра. А когда сорок с огромным хвостом — то как бы и жить-то осталось всего ничего. Уже в сорок пять мужики мрут от инфарктов и инсультов. Сколько ему ещё отмерено?

— Даня, ты кошку покормил? — внезапным вопросом огорошила его Алёна.

— Да, корма насыпал, — отозвался он, возвращаясь в реальность из невеселых мыслей. Опять же — кошка. Сколько они там живут? Даже если лет пятнадцать — то с кем её оставить, если что?

— С запасом? — уточняла хмурая Алёна. Ей тоже не нравилось происходящее, но по другим причинам.

— Ну не знаю, просто полную миску насыпал и всё, — отмахнулся Невский. — А что?

— Ну мало ли, вдруг нас три дня не будет? — пожала плечами его бывшая.

— Позвоните консьержке, у неё ключи есть, пусть покормит, — донеслось с заднего сиденья. Голос Наташи впервые прозвучал с момента, как она молча села в машину возле своего дома. Даже не поздоровалась.

— Ты как? — тут же переключилась Алёна. — Приняла успокоительное?

— Я боюсь принимать что-то. Вдруг дедок нас опять чем-то поить будет, а я кони двину? — невесело усмехнулась Наташа. — С препаратами шутки плохи.

— Да мы не будем ничего пить, — парировал Невский. — Просто расспросим его, что за чертовщина. Я же у него в избушке впервые ту ведьму увидел. Теперь ты вон с трупом познакомилась, а ворона каркающая вообще везде мерещится... Надо узнать, что за хрень такая.

— Так он тебе и рассказал! — улыбнулась в полумраке салона Наташа, отразившись в зеркале заднего вида. — Он не так прост. И соседка его — в деле. Помнишь, как она меня чайкам напоила да дорогу указала? Сдаётся мне, что тут орудует секта.

— Девчонки, ну чего приуныли? Юристы мы или кто? — возмутился Невский. — Разве не найдём, что сказать? Дедок, конечно, непростой. Но и мы не пальцем деланные!

Даня засмеялся, но девушки молчали. Каждая думала о своём.

В Свободном они бросили машину у дома деда Семёныча. В этот раз любопытная соседка даже не показалась на глаза, и окраина села казалась совершенно необитаемой. По полям стелился туман, холодный, промозглый, серый. Он вызывал ассоциации с фильмом ужасов и словно нарочно дополнял декорации.

Поёжившись от осеннего холода, троица вышла из машины и утеплилась. В этот раз на них были шапки, спортивные куртки, непромокаемые штаны и тёплые осенние ботинки. Наташа даже захватила с собой варежки.

В лесу пахло прелой листвой и сыростью. Голые стволы сосен и кустов неприветливо глядели на них, открывая свои тайны — без зелени лес казался прозрачным. Влажные иголки мягко пружинили под ногами, а из земли торчали тонкие прутики со сморщенными красными ягодками на конце. То и дело попадались симпатичные поганки, и Алёна еле удерживалась, чтобы не сорвать их. Глаз цеплялся за последние яркие листья, дрожащие на ветру, и пушистые метёлки каких-то жухлых сухоцветов. Остро захотелось собрать букетик — она любила дары природы, хорошо знала лес и немного разбиралась в съедобных грибах. Приходилось одёргивать себя, что она тут не за этим.

Домик Семёныча был пуст и заперт. Даня обошёл его три раза, толкаясь во все двери и пробуя на прочность рамы

окон. Но не тут-то было — проникнуть внутрь без взлома было почти нереально. Поэтому он пристально посмотрел на холм, в который избушка упиралась одной стеной, и проговорил:

— Дамы, предлагаю обойти холм и посмотреть, что там сверху. Сдаётся мне, что вершина — это и есть тот куполообразный зал, в котором мы были. И там сверху лился свет — а если это он, то на холме должно быть окно или какая-то другая дыра. Надо проверить!

И он первым взбежал наверх. Но на самом верху никакого намёка ни на дыру, ни на окно не было. Зато с вершины холма в лес змеилась тропинка, и Невский крикнул девушкам, оставшимся у домика лесника:

— Тут есть дорожка! Пошлите, проверим. Он не мог далеко уйти — что можно делать в осеннем лесу одному?

Алёна с Наташей переглянулись и последовали за ним. Тропинка уводила от домика в лиственный лес — сосновый как-то резко кончился и начались заросли. Сразу стало темнее.

— Ты серьёзно думаешь, что мы встретим его тут? — проворчала Алёна. — Мы пыхтим, как паровозы. Сорокалетние паровозы. Нормальный лесник уже давно бы нас услышал и обошёл.

— Ты думаешь, он нас избегает? — повернулся к ней Невский.

Но Наташа опередила Алёну:

— Конечно! Навертел нам тут ужасов и скрылся. Типа, сами расхлёбывайте, — её голос звучал зло и иронично. — Он же нас выпроводил в ночь и не поморщился!

— Ну и мы не малые дети, — парировал Невский.

— Малые, не малые, а за помощью всё равно к нему идём, — возразила Наташа.

— Натали, не нагнетай! — поморщился он и миролюбиво сказал — Ну не найдём деда — вернёмся домой. Делов-то! Тропинка одна, мы с неё не сворачивали... Ого-го!

Невский резко остановился и рукой сделал знак, чтобы все остальные замерли.

— Волки...

Наташа выглянула из-за плеча Невского и охнула. Метрах в десяти от них на тропинке стояло три волка. А может, и больше. Серые шкуры сливались с тонкими ветками кустарников, а мшистые глаза светились в полумраке. Почему стало так темно?

Алёна задышала, пытаясь выровнять бешеное сердцебиение. Закрыла глаза и принялась считать до десяти. Невский застыл, напряжённо обдумывая, как быть.

— Кто помнит правила поведения в лесу, если встретил стаю волков? — напряжённо спросил он.

— Никто, — омертвевшими губами пробормотала Наташа и осторожно полезла рукой за телефоном.

Потом наощупь разблокировала и прибавила кнопками громкость на всю. Плавным движением поднесла экран к

лицу и выбрала трек известной немецкой группы, которой увлекался сын. Врубив воспроизведение, резко выбросила руку вверх и на весь лес раздались оглушительные звуки ударных и завывание солиста.

Вскинув уши, волки попятались и бросились наутёк. Невский заулюлюкал вслед, добавляя шума, а Наташа заорала что есть мочи:

— Бегите, глупцы!

И все трое расхохотались, выплеснув весь свой страх и негатив. Веселясь, как дети, они смеялись и рассказывали друг другу о том, что это была первая встреча с волками в их жизни и что не стоит недооценивать силу настоящей старпёрской музыки.

Первой стала раздеваться Алёна:

— Мне аж жарко стало! — расстегнув пуховик, она стянула тонкую шапку и с удовольствием вздохнула, встряхнув волосами.

— Да, разогрело нас не на шутку! — ухмыльнулась Наташа и тоже скинула куртку, оставшись в теплом костюме и со снудом на шее.

Невский же потянул носом и замер:

— Дымом пахнет!

— Карр! Карр! — раздалось спереди и Даня отпрянул.

— Слышали? — он оглянулся на притихших девушек. —

Ворону?

— Да, — неуверенно протянула Алёна. — Теперь точно

слышала!

— И я, — проговорила Наташа, крутя головой. — А вас не смущает трава?

Вокруг сквозь сумерки можно было различить густые зелёные заросли ежевики и острой осоки. Где-то вверху одиноко запела птица, и темнота сгустилась. Послышалось стройное пение тонких голосков.

— Твою мать, — выругался Невский и тоже снял шапку и пуховик, бросив их прямо на тропинку. По его лицу стекал пот и сам он выглядел бледнее мела.

Он первым пошёл на звук, не сомневаясь, что девушки последуют за ним. Сердце билось быстро-быстро, и в глубине души он уже знал, что происходит.

На лесной поляне пять девушек что-то собирали. Он уловил движение теней и, повернувшись к Наташе с Алёной, прижал палец к губам. Те замерли и вытянули шеи, чтобы рассмотреть, что там впереди.

— Ой, не смешите меня, — решительно заговорила Алёна и, дёрнув плечом, обошла Невского и устремилась вперёд. — Они нас не слышат и не видят!

И она уверенно вышла на середину поляны, где селянки бродили в высокой траве, держа в руках охапки трав. Они были одеты в простые белые рубахи, волосы их развевались на тёплом ветру и ласково гладили белые шеи.

Сама Алёна нелепо смотрелась в своих массивных ботинках, непромокаемых штанах и свитере с горлом посреди лет-

него леса, где девушки босыми пятками топтали сочную траву. Она рассмеялась и тоже сняла свитер, ботинки, штаны и осталась в длинной футболке, едва прикрывающей зад. Затем распустила хвост на затылке и с восторгом им тряхнула. Радостно вздохнув, она раскинула руки, задрала голову наверх и закружилась по поляне. Её чистый голос звенел колокольчиком, и она стала вдруг свободной и счастливой.

— Ну что смотрите! Раздевайтесь! Лето на дворе! — и она снова рассмеялась, обнажив белоснежные зубы. — Или ты, Невский, Огнедару не узнал? Так нас тут теперь двое!

Даня же, испытывая небывалые чувства, переводил взгляд с беловолосой Алёны на жгучую рыжую Огнедару, которую первой узнал среди бродящих в лунном свете фигур. Её подруги — крепкие румяные славянки с русыми волосами и две девицы с цыганской внешностью — тоже привлекали внимание.

Все волоски на теле Невского встали дыбом. Живо вспомнились сны, в котором он испытывал невообразимые по яркости телесные восторги и как сумасшедшие он желал предавшую его красотку. Чувствуя, как тело парализует от похоти, он раздевался сам, оставшись в одной обтягивающей футболке и штанах. Босой, он шагал по траве к девушкам, не смея даже вздохнуть.

Наташа не двигалась. Она одна не понимала, что происходит.

— Это что, очередной сон? — внезапно спросила она,

осознав, что реальность вдруг стала ненормальной.

— Конечно! Ты такого не видела? — громко рассмеялась Алёна. — Невский точно видел! Ты посмотри на него, у него сейчас слюна закапает!

И она снова хулигански рассмеялась, кружась в лунном свете.

— Значит, у нас получилось? Найти деда? — всё ещё неверяще спрашивала Наташа, сбрасывая худи и снуд на тропинку. — Как мы сюда попали?

— Да не всё ли равно! — хохотала Алёна, как придурковатая. — Сегодня ты увидишь, какой козёл Невский на самом деле! Это тебе не благородный Марино, который пожалел девочку и не стал её портить. Правда, Даня? Ты же знаешь, чем всё закончится?

Алёна веселилась, как в последний раз. В её речах слышалось злорадство и облегчение от того, что она здесь уже была и всё пережитое не было загадочным, как в Неаполе.

— Это мы на тебя посмотрим, дорогая Алёна, — парировал Даня, но взгляд его был прикован к соблазнительным округлостям Огнедары. Её красные волосы отливали бордовым в ночном лесу, зловеще замершем в слабом свете Луны.

Одна из женщин — самая взрослая на вид — разжигала небольшой костёр. Подкидывая туда сухие веточки, она что-то подспудно шептала, и неясное бормотание стало сигналом для остальных. Они уселись в круг у костра и разложили собранные травы на коленях. Ловкие пальцы быстро перебира-

ли стебельки, рассортировывая улов и складывая их в нужном порядке.

Огнедара запела, и девушки подхватили её голосок. Так, напевая, они связывали пучки собранных трав и складывали их в несколько кучек.

Алёна и Наташа заворуженно присели рядом и разглядывали стебельки, а Невский держался поодаль, изо всех сил стискивая кулаки в карманах. Он был поражён силой эмоций, который его захлестнули при виде красноголовой ведьмы. Непрожитые чувства боли, восхищения, желания вновь бурлили в его крови и заставляли сердце биться быстрее. Он боролся с собой и надеялся скрыть обуревавшие его чувства от девушек, но те не обращали на него внимания.

Они словно бы стали двумя дополнительными участницами действия. Ритмичный напев захватил их, и они уже покачивались в такт мелодии и пытались дотронуться до трав, но это им не удавалось.

— Сёстры, — с сожалением произнесла Алёна и на глазах её показались слёзы. — Родные мои...

Безумный смех сменился беззвучным плачем. Она рассматривала их лица и сглатывала слёзы:

— Любомира... Северина... Агния... Светлояра... Живые!

Наташа обернулась к Невскому и прошептала:

— Чего её так накрыло?

Он, набрав побольше воздуха, ответил:

— Трагичный сон. Непростой.

К счастью, голос его не подвёл, как он боялся. Не выдал чувств. Но больше он рта не раскрыл.

Пение подошло к концу, а над лесом уже светлело небо. Девушки разобрали травы и пошли к деревьям, а красная сказала остальным:

— Идите, сестрицы, а я росой умоюсь. Больно хорошее утро!

Нестройные голоса ответили ей и оставили одну. Огне-дара же медленно скинула рубашку, оставшись обнажённой. Белое тело отливало серебром, и она быстро улеглась в высокую траву на краю поляны. Раскинула руки в стороны, закрыла глаза и расслабилась, будто бы напиваясь теплом земли. Наступила тишина — тот особый час в лесу, когда ночь отступает под властью дня и меняются силы. Всё вокруг замолкло, и пришельцы тоже замерли. Красота природы поразила их.

Если в прошлом сне Неаполь казался экзотичным и чуждым, то тут сама душа радовалась, будто заново узнавая родные травы, деревья, запахи леса. Каждый из троицы почувствовал щемящее чувство дежа вю — всё это когда-то уже было, было...

Когда первые лучи солнца коснулись земли, трава запела. Из высоких зарослей донеслись звуки нежной песни, которые вибрировали в такт энергии, пульсировавшей в этот рассветный час. Вместе со словами на неведомом славян-

ском языке, которые можно было при желании распознать, из пышной зелени поднялась красноволосая девушка и медленно пошла по поляне, закручивая спираль всё ближе к центру. Она ускорялась, в конце практически побежав. При этом высокие травы хлестали её крутые бёдра, тонкую талию, полные груди и отдавали чистейшую росу, отчего кожа её становилась мокрой и блестящей. Красные волосы закудрявились, облепляя спину мокрой массой.

Невский с Наташей заворожённо следили за девушкой, пока Алёна насмешливо не проговорила:

— А вот и наш герой! Смотрите! Стоит и пялится во всей красе!

Оба как по команде повернули головы и увидели в тени деревьев высокого мужчину в кожаных сапогах. Его волосы были собраны тонким шнурком в низкий хвост, а лоб опоясан кожаной полоской с выжженными узорами. Туловище закрывала лёгкая походная кольчуга, а за плечами торчал колчан со стрелами. Но глаза красавца-князя были прикованы к Огнедаре, которая манящими движениями растирала по телу утреннюю росу и тихонько продолжала издавать тихие грудные звуки, будто мурлыкала. Песня вибрировала в воздухе и создавала вокруг неё вихри энергии, которые ясно видела Алёна, но не видел хорватский князь.

Наташа разглядывала древнего богатыря, а Невский не удостоил его даже взгляда. Он пожирал глазами ведьму и не мог оторваться, как и его аватар из прошлого.

— Смотри, смотри, пока живая! Любуйся! — Алёна зло-
радно хихикнула и дёрнула Наташу за руку. — И ты полю-
буйся — каков, а? Дала бы такому?

Наташа неожиданно размахнулась и влепила пощечину
Алёне, отчего та пошатнулась и чуть не упала. Но морок буд-
то бы спал с неё:

— Ты охренела?! — она расширившимися глазами смот-
рела на бывшую подругу и потирала щёку, которую, несмот-
ря на призрачность видения, ощущала очень хорошо. Место
удара горело.

— Возьми себя в руки! Мы здесь для чего-то, а ты теряешь
голову. Угомонись и подумай — что такого произошло, что
нас снова закинуло в прошлую жизнь? Ради чего?

— Да пошла ты! — возмутилась Алёна и отошла к Нев-
скому. — Чего стоишь, как истукан? В прошлый раз не на-
любовался?

Даня, словно бы сбросив оцепенение, вынырнул из небы-
тия и посмотрел на Алёну. Потом — на князя, и снова пере-
вёл взгляд на Алёну.

— А в прошлый раз ты видела, что я... он... подглядывал?

— Конечно, видела, — рассмеялась Алёна. — Ты был мне
предсказан. Иначе зачем бы я так легко пошла за тобой?

Глава 8

Карпаты, IV век

— Карр! — крикнула противная птица и мужественный князь поднял стрелу, чтобы заткнуть вороне клюв.

Огнедару будто ветром сдуло, и Невский припустил за ней. Алёна с Наташей двинулись следом.

— Так вы что, оба видели этот сон? — первым делом поинтересовалась Наташа. С неё будто бы слетело чувство вины, и она чувствовала себя намного лучше.

— Выходит, что так. Мы и к деду-то этому попёрлись, потому что Невский увидел у него в гостях меня из сна. Точнее, её, — и Алёна кивнула вслед убежавшей девушке. — И рассказал мне. Только поэтому я не улетела.

Наташа кивнула и задумалась.

— И что теперь? Нам снова за всеми таскаться и выяснять, что произошло на самом деле?

— А тебе разве неинтересно? — спросила Алёна.

— Мне — интересно. Но странно, что вы-то уже здесь были, а я нет. Может, меня тут и не должно быть?

— Не знаю. Но эта жизнь очень... как бы сказать... страстная. Невскому уже крышу снесло!

Алёна снова развеселилась. Было заметно, что она очень довольна и будто бы горда собой. Наташа же задумчиво жевала губу и двигалась по тропинке. Довольно скоро они до-

шли до окраины какого-то поселения и увидели, как Огнедара заходит в дом, а Невский, не скрываясь, идёт за ней.

Изба выглядела необычно — вроде бы и выполненная на привычный манер, а какая-то не такая. Белёные стены и соломённая крыша, вокруг — аккуратный плетень, но почему-то на каменном фундаменте. Сам двор чисто выметен, но нет ни привычных клумб с цветами, ни приятных глазу мелочей. Будто бы хозяйка уделяет усадьбе минимум внимания, не утруждая себя хозяйственными делами.

Ставни на окнах были закрыты. По утреннему времени такое было на всех домах, поэтому удивляться не приходилось. Но хозяйки уже скользили по двору, и окна у соседей распахивались одно за одним, а в жилище Огнедары царил тишина.

Все трое вошли в дом. Сама Огнедара, на цыпочках пробравшаяся чуть раньше, сидела у печи и заплетала густые волосы в косу. На полатах и даже на полу спали её товарки — сопели мирным сном. В самом доме было душно и сонно. Хозяйка лихо закинула перетянутую лентой косу за спину и улеглась на тёплую печь, укрывшись цветастым одеялом. И почти мгновенно уснула.

Алёна разглядывала избу — здесь не было ни сушёных трав, ни баночек со снадобьями. Только красный угол с одинокой иконой и потухшей свечой, вышитые занавески и подушки, лоскутная дорожка на полу. Корыто для стирки, сту-

па для сбивания масла. Деревянные кадки и бадьи. Ещё какие-то предметы, назначения которых она не знала. На столе стояла корзинка с яйцами, на окне — кувшин со скисшим молоком. Поморщившись, она отпрянула и посмотрела на Наташу.

Та с удивлением рассматривала каждую из девушек. Вблизи стало понятно, что все они разных возрастов — от самой юной Агнии до пожилой Любомиры, которая хоть и была стройной и привлекательной, но её возраст выдавали седина и морщины.

Благодаря прикрытым ставням в избе царил полумрак. За окнами уже кипела жизнь — хозяйки выгоняли коров, переругивались из-за заборов с мужьями и гоняли кур. Здесь же царил тихий час.

— Спят, стервы, — пробормотал Невский. В отличие от веселой Алёны и притихшей Наташи, он казался каким-то возбуждённым и беспокойным.

— Ну так ты ночью травы пособирай, ещё не так умаешься, — подала голос Алёна.

— А не надо по ночам по лесу шляться! Надо вести нормальную честную жизнь. Корову доить, огурцы сажать, детишек растить...

— Ну и болван ты, Невский! И князь твой... Яромир болваном был. Ты что, захотел из ведьмы сделать домохозяйку? Да ей это зачем? Варить щи умеет любая, а вот травы знать, словом лечить, болезни заговаривать — не каждая может. А

тебе лишь бы рожала да дома сидела!

— Слушай, ну я понимаю — ты дитя эмансипации и двадцатого века. Но здесь-то — махровое средневековье. Здесь бабы рожают, мужики добычу приносят. А на таких как ты... вернее, она... охотятся и сжигают! — не унимался Невский.

— Так кто баб загнал в избы и заставил детей рожать? Ты думаешь, если бы женщины знали, как предохраняться, то они бы стали по десять-пятнадцать младенцев рожать? Это ж вам всё охота покувыркаться, а отдуваться потом жёнам! — Алёна завелась не на шутку. — Может быть, мы поэтому мы с тобой и не смогли нормальную семью построить, потому что ты хотел, чтобы я была босая, беременная и на кухне, а я хотела жить и развиваться, карьеру строить, наслаждаться жизнью! А ты такой шовинист!

— Да ты посмотри на неё — она ж сама меня в свою постель затащила! Ей также хотелось пошалить, как и мне! Ты глянь на неё — готовая шалава же! — Невский покраснел и уже в ярости сжимал и разжимал кулаки.

— Всё, хватит! — Наташа встала между ними и выставила ладони. — Давайте рассуждать здраво. В моём сне мы узнали много нового. Во-первых, я не знала, кто и почему убил Лауру. И я не видела, что спасти Марино ей так и не удалось. Здесь, скорее всего, тоже есть такие же тайны. Давайте наблюдать. Прямо сейчас мы не видим, что всё это время делает князь. А вдруг он занимается чем-то важным для нас?

— Да ничем он не занимается! — проворчал Невский, ак-

тивно дыша носом. — Он приехал с дальней дороги, умылся, поел да пошёл отдыхать. А вечером будет пир. Они тут собрались соседями потусить, форум у них экономический. Здешний князь — Добромысл с доченькой — хочет заручиться дружбой с главами других государств, потому что у них проходное княжество, через него много торговых путей. Поэтому всех пригласил, поит-кормит. Одному доченьку сосватал, с другим договор заключил. Так что Яромир тут, считай, на корпоративе. Пьёт, ест, гуляет... девку вон себе нашёл для развлечения.

— Ну и козёл же ты! Ты же в неё влюбился! — вновь взъярилась Алёна.

— А почему ты в этом так уверена? — Невский издевательски поднял бровь и уставился на бывшую жену.

— А вот и посмотрим!

— Послушайте, так вы, получается, видели разные сны? Каждый только со своей стороны? — Наташа соображала и пыталась найти нестыковки в их разговоре. А они точно были!

Все трое замолчали и задумались. Наконец, Алёна неуверенно кивнула.

— Я точно видела от себя. Что делал Яромир, когда я занималась своими делами, мне неизвестно...

Невский тоже кивнул.

— Тогда, получается, что вы оба не знаете, что произошло на самом деле. Так? И у каждого своя правда? — допытыва-

лась Наташа.

Остальные неуверенно кивнули.

— Значит, мы здесь для того, чтобы узнать, что здесь на самом деле было. Вот и всё!

— И что, мы в итоге пришли, чтобы смотреть, как сладко спят пять ведьм?

— Ну хочешь, пошли посмотрим на князя. Но он, скорее всего, тоже спит, разве нет?

Но Невский покачал головой и ответил:

— Хрена с два куда я отсюда уйду! У меня есть одна догадка, и я по глазам Алёны вижу, что она верна. Поэтому будем ждать, пока клуши проснутся!

И он уселся на пол, почти вплотную к спящим женщинам, и принялся разглядывать свои ногти.

Алёна фыркнула и вышла из избы, Наташа пошла за ней.

— Там реально есть какой-то секрет? — спросила она у подруги.

— А то, — ухмыльнулась Алёна. — Целая гора секретов. Мы же ведьмы.

На улице светило солнце и наливался новый жаркий день. Звуки деревни были слишком хорошо знакомы — похрюкивание розовых поросят, крики уток и кудахтанье кур. У колодца скрипит железная цепь, вокруг играют полуголые дети в одних замызганных рубахах и вытирают сопливый нос грязной рукой.

— Эта жизнь выглядит куда ближе к нам, чем в Неаполе,

— улыбнулась Наташа. — Я будто бы в деревню на лето приехала. Осталось натянуть купальник и помчаться на речку.

— Эта жизнь мне очень нравилась. Я чувствовала себя здесь такой могущественной. Хитрой, коварной. Будто бы я управляла своей жизнью, могла делать то, чего никто не умел! Это было волшебно!

Алёна в отсутствии Невского расслабилась, исчезла резкость и желание как-то его задеть. Наташа тут же это заметила.

— Как ты думаешь, почему нас забрасывает в прошлые жизни? Мы должны что-то понять? Изменить? Или просто проявить скрытое? — ковала она железо, пока горячо.

— Наверное, всё вместе. А вдруг нам получится что-то изменить? Видишь, тут какая-то своя реальность и она до сих пор идёт. Время течёт по своим законам. Яромир всё ещё живёт, и моя Огнедара тоже. Просто мы ещё не догадались, как это сделать...

Наташа задумалась и медленно кивнула.

— Знаешь, если там впереди ещё пару десятков жизней, то я просто не выдержу, — призналась она. — Всё это очень пугает и выглядит странно. Может быть, американцы изобрели какой-нибудь вирус массовой шизофрении и тайно распыляют его в Поволжье?

Алёна усмехнулась и посмотрела подруге в глаза.

— Даже если и так, то хорошо, что мы вместе.

Наташа сдержанно улыбнулась, но чувствовала себя всё

равно скованно, помня о том, что несколько дней назад именно она первая предала подругу. И как теперь от такого отмыться?

В домике слышались какие-то звуки, и девушки просочились сквозь дверь, не утруждая себя лишними движениями. Там действительно было на что посмотреть — пятеро женщин приводили себя в порядок после сна.

Двое умывались над тазом, поливая друг другу из кувшина. Самая старшая из них — седовласая стройная ведьма лет пятидесяти пяти, а может, и старше — доставала из печи большой глиняный горшок.

— Ммм, кажется, репа, — потянул носом Невский. — Да уж, не пицца из Неаполя. Такое бы я есть не стал.

Женщины же, умывшись по очереди, сели за стол и принялись делить между собой нехитрую еду: каравай хлеба, варёные яйца, репу и кислое молоко. Очевидно, это была простокваша или какой-то предок йогурта.

Стало понятно, что две девицы с цыганскими глазами, смуглой кожей и кудрявыми чёрными волосами похожи друг на друга как две капли воды. То ли близнецы, то ли сёстры-погодки. Самой младшей не было ещё и шестнадцати — все женские формы уже присутствовали, но личико было ещё наивным и детским. Но она, цепким взглядом следя за старшими сёстрами, старалась им подражать и казаться взрослой. Женщина, которую Алёна помнила как Любомиру, была смешливой не по возрасту. Тонкие морщинки со-

бирались возле уголков её глаза, и она часто улыбалась. От неё веяло теплом и мудростью. Огнедара же была порывистой, резкой: было видно, что она волнуется.

— Готова, доченька? — ласково обратилась к ней седовласая Любомира.

— Не знаю, — честно ответила девушка. — Сомнения что-то берут... Как бы чего не вышло, как с моим мужем.

— Он сам виноват! — вмешалась в разговор одна из цыганок. — Не полез бы не в свое дело, был бы жив и счастлив. Шутка ли, такую жену отхватить! Потомственную Лунницу!

— Тсс, — Огнедара оглянулась на дверь и сделала укоризненное лицо. — Соседи услышат! Ты знаешь, какие у них огромные уши!

И она показала руками огромные, как у слонов, воображаемые раковины и младшая Агния тут же рассмеялась.

— С белёным крыльцом твой совет хорошо сработал, матушка, но вот с окнами так не получится. Иногда я думаю, что все вокруг колдуют и умеют наводить подслушивающие чары, — серьёзно, без улыбки, проговорила хозяйка. — Поэтому ведите себя естественно!

— Естественно — это идите пропалывать огород и носить воду птице? — недовольно сморщилась вторая цыганка и даже фыркнула от такой нелепости.

— Ну, кушать же ты любишь! Придётся и воды наносить! — Огнедара стряхнула со стола скорлупу яиц в ладонь и сложила в специальный ящичек в углу. — Солнце уже высоко,

поэтому пора за работу. Сегодня важный день, так что поторапливайтесь!

Все дружно встали из-за стола и, сполоснув руки, засутились. Накинув скромные платья и повязав на головы платки, женщины покинули дом. В скором времени во дворе закипела работа — и ведьмы стали неотличимы от обычных селянок, которые всюю занимались повседневными делами.

Но прошло не больше двух часов, когда женщины одновременно куда-то исчезли — и так незаметно разбрелись, что только Невский в какой-то момент очнулся от дремоты и забил тревогу.

— А где бабки Ёжки? — спросил он, замотав головой по сторонам.

— Не переживай, они скоро придут, — вяло ответила Алёна, которая разлеглась на земле в тени большого сливового дерева. — Глазом не успеешь моргнуть!

— Да они там сейчас шабаш свой устраивают! Почему не уследили? — Данила вскочил на ноги и заметался, думая, куда бежать в первую очередь.

— Они ходят по лесу и собирают травы и грибы, — возразила Алёна. — Если ты и вправду хочешь посмотреть на то, как они колдуют, то оставайся здесь. Всё самое интересное начнётся с заходом солнца.

И действительно, после того, как солнце начало опускаться за горизонт, то женщины стали возвращаться одна за другой. Самая младшая несла на голове венок из полевых трав

и цветов, а у остальных корзинки были прикрыты кусками ткани. Во дворе они разбрелись — Любомира пошла в баню и стала разжигать печь, а одна из цыганок с независимым видом начала обходить дом, будто бы оглядывая состояние забора. И только внимательный глаз мог рассмотреть, что у нее из кулачка тонкой струйкой сыпется соль.

Замкнув контур, она лёгким движением отряхнула ладони и, оглянувшись, вошла в избу через чёрный ход. Пока она ходила, Огнедара закрывала ставни. В самой избе шли нешуточные приготовления. Был вытащен огромный котёл и самая младшая ведьмочка растапливала печку. Две сестры-цыганки доставали плоски и старательно мяли в ступках какие-то сушёные веточки, бормоча под нос неразборчивые слова.

Огнедара вышла из избы со стопкой чистых простыней и прошла в баню, где Любомира уже распарила веники и опрыскивала водой из-под них деревянные стены. Огнедара скинула платье и осталась нагишом, а старшая ведьма осталась в тонкой льняной рубашке, только закатала рукава. Она три раза обошла вокруг рыжеволосой красотки, шепча ясно различимые слова:

— Пусть как вода стекает с моей ярочки, так уходит хвороба с моей ясочки, пусть будет свежей и ясной, пусть тянутся к ней сердца мужские также, как тянутся травы к солнышку, как вода к Луне, как дожди к земле. Слово моё крепкое, каменное, в землю вросшее, да от людских глаз скрытое. Да

будет так!

Огнедара с удовольствием подставляла бока, ластилась, впитывала в себя и слова, и энергию, и ласковую водичку. Любомира же ещё пошептала над её головой, охаживая можжевельным веничком, а потом уложила на полок и как следует отпарила.

Розовая и исходящая жаром Огнедара накинула на себя чистую простынку, и, скрываясь от досужих глаз, шмыгнула в избу.

Тут уже вовсю разворачивалось действо. Три ведьмы кидали в кипящий котёл остро пахнущие травы, отдающие горечью при попадании на язык, и шептали слова колдовские, глубокие. Придавали зелью силу могучую и напитывали желанием, страстью тягучей, чтобы не смог мужчина ни глаз отвести, ни рук убрать. Чтобы желание его крепкое исполнялось, и чтобы свершилась воля Высших Сил, да зародилась ведьма новая во чреве девичьем.

Невский стоял рядом и лицо его наливалось бешенством и кровью. Алёна же прикрыла глаза и беззвучно повторяла слова заклинания, будто пробуя их на вкус. Наташа впервые видела их такими — с неприкрытыми эмоциями и желаниями. Старые знакомые будто заново раскрывались перед ней и она впитывала в себя эту суть, которая вдруг так неожиданно обнажилась.

— Вещь принесла? — спросила Любомира распаренную Огнедару.

Та кивнула и достала откуда-то из-за печки кожаную на-
лобную повязку — точь-в-точь как у князя Яромира.

— Давай сюда, — и седовласая ведьма осторожно приняла
вещь из рук красноволосой.

Невский аж поперхнулся:

— Спёрла у князя! Когда успела?! — его расширившиеся
глаза были полны негодования и страха.

— А это не я спёрла, это младшенькая принесла, Агню-
ша. Ты бы получше следил за своими вещами, раз такой жад-
ный, — с весёлым удовольствием ответила ему Алёна. — И
за своими людьми.

Глава 9

Карпаты, IV век

— Ну что ж, князюшка, не подведи! — прошептала Любомира, оглаживая тонкими сухими пальцами кожаный ремешок. — Дай семя крепкое, дерзкое, чтобы род наш пополнился девой сильной да чистой!

По телу Огнедары прошли мурашки. В пламени свечи было заметно, как гусиная кожа покрыла её руки и как встали дыбом тонкие волоски. Поёжившись, она согласно кивнула и протянула руку за княжеской повязкой. Крепко стиснув её в руках, она села за стол и положила на него локти. Одна из цыганок схватила пучок сушёных трав, перевязанных суровой ниткой, подожгла его от уголька, вытащенного печки, и повела над головой Огнедары ароматным дымом.

Любомира пригнулась над котлом, приняхалась. Довольно кивнув, зачерпнула оттуда деревянной ложкой и налила колдовскую жижу в деревянный кубок. Пошептала над ним, потом перекрестила, и поставила перед Огнедарой. Та, закрыв глаза, нараспев принялась произносить слова благословения, прижимая кожаную повязку к груди. Потом капнула на неё несколько капель, а остатки зелья выпила.

По-видимому, ритуал завершился, потому что ведьмы деловито встали. Одна вылила остатки зелья из котла в печь, затушив угли. Остальные стали прибираться в избе, подбирая

труху от трав и подметая мусор.

Огнедара же, как сомнамбула, продолжая прижимать повязку к груди, поднялась на печь и как была, в чистой банной простынке, улеглась и отвернулась к стене, собираясь почитать.

Подруги её покинули избу, тихо притворив дверь, и растворились в лесу.

— За ними пойдём? — прервал молчание Невский. Все трое с каким-то затаённым любопытством следили за ритуалом. Даже находясь тут как невидимые гости, они почувствовали незнакомую энергию, которая высвободилась во время действия.

— Не надо, они разошлись каждая по своим делам, — проговорила Алёна. В её глазах плескалась немая тоска. Она будто бы хотела вновь окунуться в эту жизнь, изведав бывшее могущество и обретя магические силы.

— А дальше что будет? — спросила Наташа.

— А дальше будет ночь, и все просто будут спать, — ответила Алёна. — Так ведь, Даня?

— Ну князь точно будет спать, и не узнает даже, что тут на него порчу наводили... — Невский не знал, как реагировать. Ему было мерзко и любопытно одновременно.

— Да какую порчу! — возмутилась его бывшая. — Это просто заговор на укрепление сил и любовных уз. Дочку ей надо, и время пришло. Все знаки говорили об этом. Осталось ерунда — найти правильного отца. Вот и всё. Ты слова-то

заговора слышал? Там было про силу, про страсть и желание. Ничего порченого и ничего тёмного. Просто усилили и так естественную тягу князя к Огнедаре.

— Естественную! — фыркнул Невский. — Как же! То-то же я чувствовал, что он ни о ком и думать не мог. Только о ней! О друге забыл, о цели визита забыл. Ел, пил да её искал...

— А то ты в своей жизни делаешь что-то другое, — рассмеялась Алёна. — Тоже ешь, пьёшь да баб ищешь!

Наташа молча развернулась и пошла прочь, в тихую карпатскую ночь. Жара спала и стало даже немного прохладно. Пахло навозом да сушащимся сеном. Где-то сонно копошились куры, а безмолвная Луна была словно бы больше, чем в привычном ей мире. Оглядевшись, она решила пройтись и направилась в сторону леса.

Избушка Огнедары и так находилась на окраине городка, и отсюда было очень легко выйти да потеряться. Ей не хотелось слышать перебранку Алёны с Невским. Они то и дело ссорились и переходили на колкости, а она устала от этого, видя везде намёки на их с Данилом близость. Как же она ошиблась, переспав с ним! Большой дурости и представить себе нельзя! Как, а самое главное — зачем? Что на нее нашло? Седина в бороду — бес в ребро?

Внезапно какая-то возня привлекла её внимание. Наташа остановилась, а потом пошла на шум.

— Ох и горяча ты, девка! А будто нарочно ко мне подо-

слана, чтоб я от князя отвлекался, — шептал мужской голос, но игривые нотки давали понять, что он ворчит скорее для порядка, чем на самом деле.

— Ой, да больно ты кому нужен! — протянула девица, не страшась, что их услышат. — Ну что твоему князю будет? Спит, соколик, сил набирается. А ты тут совсем один, такой верный и такой одинокий...

Хохоток и возня, от звуков которой Наташа покраснела. Кровь ударила в голову, а сцена, происходившая между этими двумя невидимыми людьми, подняла неожиданное возбуждение с низа живота и заставила задрожать. Ушла от одних, пришла к другим. Вокруг будто бы все сговорились — любят, ругаются, ссорятся, мирятся... И только она одна, неприкаянная, ходит по свету. И, видимо, не одну жизнь так мается. Взять хотя бы несчастную Лауру...

Вернувшись к избушке Огнедары, она издалека увидела, что Данила с Алёной целуются. Привалившись к плетню и сидя на мягкой траве, они не замечали никого вокруг и не стеснялись случайных прохожих. Будто бы и впрямь её, Наташи, единственной, кто мог их увидеть, не существовало...

Наташа побрела прочь от них, найдя себе укрытие у колодца. Там была широкая деревянная лавка, на которой она и вытянулась, с удовольствием расслабив ноги. Глаза глядели в бездонное небо, рассматривая яркие звёзды. Как жаль, что она не разбирается в астрономии. Нашла бы сейчас парочку созвездий, что-нибудь бы интересное про них поня-

ла... А так придётся считать овец, чтобы уснуть. Да и получится ли?

Наташа дёрнулась от резкого звука и проснулась. К колодцу пришли первые посетители — помахивая деревянным вёдрами из плотно пригнанных досочек, они сонно таращили глаза и неловко пытались подцепить ведро на крючок, чтобы опустить в колодец.

Наташа прыгнула с лавки, потому что от неопрятной бабищи пахло таким потом, что хоть нос зажимай. Надо же, впервые она так явно почувствовала запах средневековья.

Отойдя на приличное расстояние, она присела в траву и обняла колени. Ей действительно удалось уснуть ночью, и сейчас она чувствовала себя бодрой и не такой отчаявшейся, как вчера. Отсюда было видно, что под плетнём в обнимку дрыхли её напарники. Назвать их друзьями язык не поворачивался.

Вдруг из какого-то переулка к колодцу выполз князь Яромир в сопровождении друга — статного молодца, одетого чуть попроще. Сам же правитель соседнего государства был помят и явно страдал от похмелья. Волосы лохмато топорщились над ушами, выбившись из хвоста, повязки на лбу не было, а на мощном теле надета мятая несвежая рубашка.

Бабёнки у колодца приосанились, втянули животы и выпятили грудь. Глазки заблестели, движения стали манерными. Наташа ухмыльнулась. Почему Невский и в этой жиз-

ни родился красавчиком? Что за карма у него такая — нет бы был тощим, или хромым, или косым... А так — никакой справедливости!

Княжий друг тем временем вылил на него ведро ледяной воды, отобранной у одной из сеялок. Та стояла, уперев руки в боки, и посмеивалась, стреляя глазками. От взгляда Яромира не укрылся интерес, которым его провожают бабоньки. Он тоже приосанился и начал играть на публику — велел вылить на себя второе ведро воды и даже незаметно ущипнул за попец его хозяйку.

Слушая хвалебные речи своей стати, князь, поёживаясь, пошёл назад, а Наташа решила разбудить спящую парочку. Но те уже не дрыхли, а во все глаза смотрели на сцену у колодца.

— Что дальше? За кем следить? — деловито поинтересовалась она, не пожелав им доброго утра. Ещё чего!

— Да ни за кем, — лениво протянул Невский. — У них тут скоро тусовка начинается, князь туда пойдёт, приветствовать здешнего сеньора. А ведьма что делать будет?

Он повернулся к Алёне и шутливо потрепал её за белокурый хвост.

— Ведьма будет охотиться, — хитро улыбнулась она. — Вечером будет важное таинство, самая главная ночь лета! Все сёстры готовятся.

— Ну и что делаем? — нетерпеливо переспросила Наташа. — Куда идём?

Невский вздохнул и скомандовал:

— На площадь пойдём. Сдаётся мне, что тебе надо кое-кого увидеть.

Праздники здесь любили. Уже к обеду стало ясно, что простой люд побросал все свои дела и поспешил принарядиться, чтобы поглазеть на знать, которая будет заключать важные соглашения, а потом пить, есть и веселиться. До праздника урожая было ещё далеко, и летняя пора была вся загружена работой — только отсеялись, и ещё предстояло убирать урожай, косить, сушить, молотить зерно и забивать амбары сеном на зиму. И случая отдохнуть и повеселиться не представится ещё по меньше мере два месяца. А тут — такой повод!

Подворье у княжеского терема было украшено как следует. Ковры, брошенные прямо поверх соломы, которым прикрыли пыльную площадь. Стол, уставленный яствами — тут и сливовица, и творожные штрукли, и палачинке с земляничным джемом, и кремшниты с заварным кремом. Горкой лежали спелые фрукты — ранние яблочки, вишня, спелые груши и даже нежные бархатные сливы.

Люди бросали жадные взгляды на угощение, но ещё пристальней разглядывали гостей. Обсуждали богатство костюма и незнакомые узоры вышивки, цвета шёлковых рубаш и выделку кожи, использованную на сапоги и ремни для ножен. Толпа шушукалась, волновалась и обильно потела, из-

давая разномастный терпкий запах. Дневная жара подогрела не только землю, но и стоящих на ней нарядно разодетых людей.

— Люд добрый! — начал князь Добромысл, выйдя из княжеских хором и ступив на дорогой персидский ковёр. — Извольте приветствовать наших добрых соседей, что явились сюда с миром и благоденствием!

Люди зашевелились, кто-то что-то выкрикнул. К князю Добромыслу подошла его дочь, прекрасная Златослава. Глаза надменно подняты над толпой, спина прямая и ровная, подбородок задран. Украшениям в её ушах и волосах позавидовала бы любая девица.

Чувство узнавания пронзило Наташу. Будто бы видела она где-то это лицо, любовалась им в зеркале, расчёсывала эти блестящие волосы, перебирая их пальцами. Вспышками в памяти всплыли хоромы, в которых маленькую Златославу нянчил князь.

Невский, внимательно следивший за Наташиной мимикой, удовлетворённо протянул:

— Я так и думал! — и ухмыльнулся. — Значит, ты тоже здесь не просто так!

— Как такое может быть? — Наташа прикрыла ладонью рот и во все глаза следила за надменной красавицей. — Это была я?

Гости тем временем подносили дворы князю Добромыслу: рулоны ковров, меч ручной работы с серебряной рукоят-

кой и полированными круглыми кабошонами из драгоценных камней, нитки жемчуга для его дочери, кувшины с вином и даже диковинную птичку в клетке с тонкими прутьями.

— А вот так. Мы же тоже как-то поняли с Алёной, что она — Виттория, а я Марино.

Наташа помотала головой, будто бы прогоняя видение.

— Так, и что теперь? — и она беспомощно поглядела на Алёну и Невского. — Нам теперь нужно следить за княжной? Потому что никто не видел, что она делала, пока вы занимались своими делами?

Алёна отчего-то покраснела, а Невский быстро проговорил:

— Днём следим за Златославой, а ночью пойдём за Яромиром. Хочется мне кое-что прояснить насчёт плясок на лесной поляне.

И он многозначительно глянул на Алёну, но та дёрнула плечом и отвернулась. Тогда он первый пошёл к княжне, которая холодно разговаривала с Яромиром, и смешался с её челядью. Девушкам ничего не оставалось, как присоединиться к нему.

Приём шёл своим чередом, а все трое с удовольствием разглядывали наряды и гостей. Когда ещё такое приключится?

— А ты посмотри на этого Жбана, ну и мерзкий типок, — похахатывал Даня, обнимая Алёну за плечи. — Суженый,

тоже мне. Мечта всех девиц!

— Не Жбан, а Ждан, — поправила Алёна, хмуро разглядывая несуразного князька. Ей отчего-то было беспокойно в объятиях Данилы, и она пыталась понять, почему. Сосущее чувство одиночества отступило, но пришло ощущение неправильности происходящего. И это пугало.

— Да хоть Ждуль, — а вот Невскому было весело. Он был доволен, что догадался про Наташу-Златославу. А ещё предвкушал разоблачение вампиризма Алёны и её сестриц-ведьм, и чувствовал себя превосходно. — Всё равно гадкий. Не зря я тогда Златославу пожалел, каково с таким спать до конца жизни?!

Алёну и правда передёрнуло. Краем глаза она заметила Наташу, которая разглядывала княжну и её отца. Брови были нахмурены, а на лице читалась напряжённая умственная работа.

— Что-то не так, — пробормотала Наташа. — Но что?

Наконец, гости, отведав угощений с фуршетного стола и получив приглашение на ужин в доме князя, начали расходиться. На завтрашнее утро назначили охоту, и каждому нужно было подготовиться. Гости были довольны и предвкушали хорошие развлечения в ближайшие несколько дней: нечасто выдаются такие поводы отдохнуть и пообщаться с равными себе.

Троица же последовала за княжеской семьёй в хоромы. Златослава, поклонившись отцу и приложив руку к груди,

испросила разрешения удалиться, чтобы отдохнуть — голову напекло.

От души хлопнув дверью покоев, она подошла к окну и, не высовываясь и не раздвигая длинной завесы, оглядела двор.

— Ты видела, Лукеюшка, кому меня батюшка продал? — княжна хмурила тонкие брови и с силой кусала яркие губы.

— Да уж явился, разодетый, как петух, — неодобрительно отозвалась служанка, которая спешно собрала на стол. Поставила выпечку и сладкий тягучий мёд, достала кувшин с квасом из шкафа в глубине комнаты. — И как не стыдно кланчить за себя такую красоту!

Служанке не было ещё и тридцати лет, и она была энергична и стройна. Бойко металась по горнице, предугадывая желания хозяйки.

— А чего ему стыдиться? У него земли богатые, много лучше наших. Отец давно на них зарится — там и выход к морю, и пути торговые, и плодороднее наших будут. Не войной идти, так внукам оставить...

Златослава говорила обречённо, как человек, собравшийся на казнь. В груди у Наташи ёкнуло, и она всем нутром своим разделила горе юной княжны. Это была настоящая красавица — сильная духом, воспитанная и образованная. За ней чувствовалась сила и власть. Она сгодилась бы в жёны и императору, не то что какому-то закарпатскому князьку.

— Ну ты погоди, Златушка, убиваться. Ещё ничего не случилось, и свадьбы не было. А до алтаря сколько всего ещё

может случиться! — и служанка многозначительно посмотрела исподлобья, мелко-мелко закрестившись свободной рукой.

— А что тут случится? Коли скачет этот Ждан, как сокол вокруг меня. Он не отступится!

— А коли кто получше посватается? У кого земель больше, да кто лицом и статью вышел?

Служанка сузила хитрющие глаза и испытующе посмотрела на Златославу.

— Уж не на князя ли Яромира ты намекаешь, Лукея? — подозрительно посмотрела на неё княжна, отойдя от окна. Двор перед теремом опустел, все разошлись по своим делам.

— Ну коли ты про него первого подумала, моя голубица, то значит, про него, — растянула губы в улыбке Лукея. — Чего тебе стоит князя захомутать?

— Да полно, не жениться же он приехал! — слабо возразила Златослава, но всем присутствующим было понятно, что барьер её был сломан. Мысль стать женою князя Яромира нравилась ей куда больше, чем старика Ждана.

— Ну, так ничего ему не мешает надумать и принести вам брачные клятвы, моя княжна! — в сердцах воскликнула Лукея. — Вам надобно только намекнуть князю на эту возможность, и он тут же за неё ухватится! Ну разве можно не влюбиться в такую красоту?

Златослава нерешительно улыбнулась и присела за стол. Схватила с тарелки со штруклями одну штучку, откусила

сладкий творог со сдобой и потребовала налить себе кваса.

— Вот так-то оно и лучше, Златушка! Поесть надо, сил набраться! А я ещё кой-чего узнаю, коли с князем с первого раза не выйдет. Одна голова хорошо, а две лучше! — служанка суежилась и бормотала что-то насчёт судьбы и того, что иногда не мешает ей и помочь.

Глава 10

Карпаты, IV век

Злата воспряла духом и принялась готовиться к завтрашнему пиру. Придирчиво рассматривала платья, доставая из их сундука и раскладывая на широких лавках. Гардероб у княжны был богат: тут хранились и западные наряды с узкими рукавами и приталенными платьями, которые на Руси сочли бы срамными. И просторные княжеские одежды, богато расшитые жемчугом и камнями, да отороченные пышным мехом. И тонкие платы для покрытия головы. Да всего и не перечислишь!

Лукея тем временем кликнула служанок, и те потекли вереницею в девичью — разжигать огонь в печи да носить ведра с водой, которую сливали в большой котёл, установленный в очаге на случай купания.

Богата была княжна да избалована — по убранству видно да подобострастию, с которым к ней обращались сенные девки.

Невский расположился на лавке, лениво откинув голову и разглядывая суету. По всему было видно — ждал разоблачения княжны да процедуры купания. Алёна морщилась, но не протестовала — гораздо больше её интересовали украшения да приборы для волос у призрачной невесты. Наташа тихо сидела в уголке, вспоминая забытые на много веков ощущение

ния, которые будила в ней эта комната.

— Ты смотри, у неё даже пинцет есть! — восхитилась Алёна. — Наверное и щипцы для завивки есть? Которые на огне нагревают?

— Не знаю, — вяло отозвалась Наташа. — Посмотри сама.

— Ну вы, бабы, конечно, даёте, — протянул Данила. — Свидание завтра в обед, а она уже намывается-натирается, наряды подбирает. Вот и правда заняться нечем! Мы же ценим в бабах что? Их естественное состояние — голышом!

И расхохотался. Алёна поморщилась:

— Фу, Данила. Ну откуда это всё у тебя берётся? Вы, бабы, голышом... Ты же взрослый человек, адвокат, у тебя хорошее воспитание и образование! Ну чего глумишься-то? Противно!

— А я такой, какой есть, Алён. Хамло? Ну, может, немножко. Но у меня такого приключения никогда в жизни не было! Чтобы увидеть, как вы, девочки, без нас живёте. О чём думаете, что делаете. Копнул поглубже — и на тебе, одна колдует, вторая колдует, все пятеро колдуют, и всё на мужиков направлено! Да если б кто знал, то...

— И что бы было? Удалили бы всех женщин и сидели в своём голубом мире? Да вы не можете без нас, а ведёте себя иногда как маленькие мальчишки, вот и приходится вас направлять... На путь истинный.

— Ну хватит, а! — вдруг повысила голос Наташа. — Вы

же опять вместе! Счастливы должны быть, а не ругаться из-за мелочей. Зачем друг друга подначиваете? Слушать вас противно!

Невский открыл рот, чтобы сказать и Наташе что-то язвительное, но вдруг закрыл. Помолчав, всё-так высказался:

— Ты права. Мне хочется постоянно подначивать Алёну, подловить на чём-то, как-то принизить её значение в моей жизни. Ты прости меня, Алён. Это самое дурацкое, что есть во мне. И я постараюсь это исправить!

— Да не исправишь ты ничего! Неужели вы не поняли, что мы здесь видим как раз корни ваших обид? Эта жизнь закончилась так, что и ты, Алёна, и ты, и Даня, остались глубоко недовольны друг другом. И это перенеслось в новую жизнь! — Наташа горячилась, но её напарники уловили самое главное в её словах. И были с этим согласны.

— Но погоди, в Неаполе у Виттории с Марино не было никакого недовольства друг другом. Им было хорошо вместе! — возразила Алёна, не улавливая логической связи.

— Тогда почему вы сейчас, в нашей реальной жизни, никак не можете быть вместе? Ни расстаться, ни жить рядом? — задала Наташа резонный вопрос.

Алёна пожала плечами, помотала головой и присела на скамейку подальше от Невского. Данила тоже на неё не смотрел.

— Ладно. Давайте подождём, чем закончится эта жизнь, — раздражённо подвела итог Наташа и уставилась на них

обоих, пока они по очереди не кивнули. Детский сад какой-то!

Благоухающая Златослава вплыла в общую залу, чтобы разделить с отцом ужин. Сегодня он был один, не позвав никого из приближённых — устал от людей ещё днём. Князь Добромысл был немолод — ему уже перевалило за сорок, и спина его стала потихонечку сутулиться, а обветренная кожа лица покрывалась морщинами. Дожить бы до пятидесяти, да выдать дочку замуж — а там уж можно и на покой, доживать свой век дряхлым старцем...

Больно уж княжна уродилась разумная да красивая. Была б не его дочь, он бы по молодости воевать за такую пошёл! И учёна — читать умеет, писать, считать. Хозяйство знает — научена слугами управлять, знает секреты важные — как мыло варить, свечи заготавливать, из какой пряжи лучше княжеские одежды ткать. Разбирается и в травах, и в лечении — может и пиявку поставить, и кровь отворить, коли потребуется. Любопытная у него девочка росла, всё впитывала, как губка. И даром что матери нет уж почти пять лет — померла от огневицы — а красоту свою подчеркнуть умеет, женскими хитростями владеет. Видел, как посматривают на неё воины!

Князь с удовольствием любовался дочерью — и высоким лбом её, и тонкими чертами лица. И станом, осанкой, плавной походкой. Не было у него сокровища дороже, чем кро-

винушка родная! А кровинушка тем временем поглядывала на отца, пытаясь решить, как бы ловчее подступиться к нему, чтобы разузнать про скорую свадьбу.

— Какие у нас гости собрались, батюшка, — проговорила Златослава, осторожно надкусывая варёную морковку, которая плавала по серебряной тарелке в сливочном соусе, рядом с кусочком золотистого куриного крылышка. Тут же были кольца крошечного лука и маринованный в уксусе огурчик. Ароматный хлеб стоял в деревянной миске между ними, но княжна не притронулась — аппетита не было.

— Да, давно не видал я соседушек наших, — улыбнулся князь и пригладил бороду унизанными дорогими перстнями пальцами. — Некоторые возмужали, да разбогатели. Нужно бы чаще встречаться, чтобы мир на окраинах поддерживать.

— И я была удивлена! Князь Яромир чего стоит! Вы говорили, юнец он ещё — а он очень мужественный! — Златослава скромно улыбнулась и опустила лицо к тарелке, чтобы скрыть его выражение.

— Понравился тебе князь, доченька? — лукаво сощурил он глаза, наблюдая за дочкиными манипуляциями. — Красив, спору нет. Но вот есть ли за ним ещё какие добродетели? Нынешняя молодёжь не та пошла — уже и мечом махать не хотят, а всё разврат да попойки им подавай. Слабое племя, в неге и изобилии взращённое! Вот в наше время такого не было — там как ходить научился, так на коня и сажали, и сабельку в ручонку совали, чтобы настоящим мужчиной рос!

— Откуда ж мне то ведомо, отец? Я никого из них не знаю, ни супруга моего будущего, ни князя Яромира. Каковы они на самом деле...

И она тяжело вздохнула, пригнув голову, увитую блестящими косами, ещё ниже, будто бы под грузом тяжких дум.

— Ну, полно! Князь Ждан хоть и не вышел лицом, да покрепче будет, чем иной юнец! О том не беспокойся — он будет прекрасным супругом! Ни одной мыслью тебя не обидит, ни словом!

Златослава подняла лицо и улыбнулась одними губами. Так, чтобы отец видел, что не участвуют глаза в той улыбке.

— Как скажешь, батюшка. Подчиняюсь твоей воле, — и вздохнула, переводя тему. — Дозволено ли мне будет присутствовать на празднествах? Хочется повнимательнее рассмотреть гостей, да повеселиться напоследок. Неизвестно ещё, будет ли мой супруг позволять мне веселиться на людях.

— Да что ты себя хоронишь! Твой муж будет добр к тебе, потому что тебя невозможно не любить! Конечно, ступай, развлекайся. Только помни о своём положении и вольностей не допускай!

— Конечно, батюшка! — и Златослава, ковырявшаяся до того в тарелке, по-девичьи вспорхнула, налетела на отца и звонко его расцеловала. Угодил ей батюшка, ох угодил...

В горницу влетела, будто птица, раскраснелась, задохнулась немного. Лукея — тут как тут, поджидает хозяйку. Мет-

нулась к Злате, обвила тонкую шею руками и зашептала в самое ушко.

Та послушала, потом прикрыла рот ладошкой и шёпотом спросила:

— А она точно сможет? Не обманет?

Лукея покачала головой, заверяя, что ведьма проверенная. Немного подумав, Златослава кивнула и распорядилась:

— Приготовь мне простые одежды, завтра пойдём. Пусть ждёт.

— Всё, теперь можно и в лес идти, — пробормотал Невский. — Всё, что хотел, я услышал. Не так умна эта Злата, как хочет казаться. Веди, Алён!

И все трое с удовольствием вышли из душной комнаты на улицу, где всюду резвилось лето. Тишина, прерываемая лишь пением птиц да редкими голосами людей. Ни звука моторов, ни вездесущих проводов на фоне голубого неба. Ни белых полосок от реактивных самолётов. Только первозданная красота — зелёные горы, холмистая местность, нарядные белые домики с черепичными и соломенными крышами. Ослики, запряжённые в телегу, и волы, тягающие за с тобой тяжеленный плуг. Идиллия!

— Вот бы пикник тут устроить, — мечтательно произнесла Алёна. — Интересно, если я сфотографирую местность, то она сохранится в телефоне?

Все трое удивлённо переглянулись.

— Если мы в видении — то вряд ли. А если мы в параллельной реальности — то запросто! — медленно, обдумывая каждое слово, проговорила Наташа. — А вообще — интересный вопрос!

— Алёна, ты помнишь, куда идти? — спросил Невский, подходя к ней и обнимая за плечи.

— Да, мы идём к пещере, на поляну, — ответила она, машинально подставляя губы для поцелуя.

— Что там будет? — полюбопытствовала Наташа.

— Самая дикая оргия из всех, что я видел, — ухмыльнулся Даня, заставив покраснеть свою девушку.

— Нам точно туда надо? — насторожилась Наташа.

— Точно. Это один из самых важных моментов за всю мою жизнь, — рассмеялся он.

Тем временем на лесной поляне вовсю шли приготовления. Агния, самая младшая из сестёр, собирала по лесу хворост и тут же складывала в центре поляны, формируя будущий костёр. Тут же лежали несколько плоских камней и большой чёрный мясницкий нож с витиеватыми узорами по лезвию.

Когда троица вышла на поляну, то Любомира уже откатывала один за другим камни от входа, закрывающего пещеру от любопытных глаз. Так как местность сама по себе была горная, то скальные породы в лесу были не в диковинку. Но простой путник ни за что бы не заметил пещеру среди груды

валунов, аккуратно маскирующих лаз.

Хрупкая женщина тяжело дышала, вытирая пот со лба рукавом льняного платья. Двух цыганок-близняшек не было видно, а Огнедара суежилась у края поляны, доставая из огромной сумы снедь и кувшины с плотно завязанными горлышками. Здесь же была зелень — душистые травы и лук, каравай хлеба, полотняная скатерть и красные наливные яблочки. Украдкой глотнув что-то из кувшина, Огнедара смахнула с губ розовые ароматные капли, пахнувшие виноградом, и принялась за новое дело.

Она остановилась у подножия небольшого холмика, вершина которого была отмечена небольшой ёлочкой. Поддев палкой дёрн, она осторожно скатала его, потом аккуратно достала многочисленные еловые корни и уложила набок. Грунта под травой оказалось немного — потому что холмик прятал под собой каменное прямоугольное сооружение, похожее на греческий мраморный саркофаг.

— Алтарь, — произнёс Данила, а Алёна как-то странно на него посмотрела.

Огнедара же из хвороста, принесённого Агнией, сложила небольшой веник и принялась сметать земляные комья с его крышки. Она что-то напевала, деловито орудуя охапкой веток, и наводила порядок как у себя дома. Настроение у неё было приподнятое. Яркие красные волосы распущены, упругие локоны скачут по плечам и ласкают щёки.

Невский откровенно любовался, прохаживаясь по поляне

и приняхиваясь к еде. Из кувшина на него дохнуло чем-то ароматным, пряным, и он заулыбался. Потом осмотрел серебряные кубки — очевидно, великое богатство по меркам простых деревенских баб. Чёрный нож его особенно заинтересовал, и он долго его разглядывал, испытывая странные чувства. Благоговение? Страх?

Тем временем на лес опустились сумерки. Празднество было почти готово — в пещере окончательно разложены непонятные предметы — какие-то сложенные стопочкой ткани, толстые пучки высушенных трав, перевязанные верёвкой, свечи со следами растений на боках, камни гладкие и с ровной геометрической формой. Глаза разбегались от всего этого колдовского антуража, и по телу Данилы то и дело пробегали мурашки.

У костра лежало огниво и большой кожаный бубен — а точнее кусок шкуры, натянутый на толстые отполированные ветки — и костяная палка с тканевым набалдашником. Что сегодня будет? Шабаш? Купальская ночь? Непонятно...

Любомира с Огнедарой, закончив приготовления, подошли друг к другу и начали прихорашиваться. Старшая ведьма заплела младшей три тонкие косички, напевая песню на незнакомом языке и вплетая в волосы травинки. Потом то же самое сделала для Любомиры вторая колдунья.

Чуть погодя из леса вышла Агния с охапкой хвороста, и, торопливо скинув его в кучу, присоединилась к сёстрам. Те любовно расчесали её, вынули из светлых локонов мусор и

остатки листьев, и заплели ей те же тонкие косички, что и себе.

Потом все трое сходили к ручью и умылись, намочив платья и рукава. Закатное солнце окрасило всё вокруг в жёлто-коралловый цвет, превратив поляну в великолепную декорацию.

И тут, словно в последний момент, на поляну вышли две тяжело дышащие цыганки, которые тащили на полотнище мёртвого кабана. Пыхтя и ругаясь, водрузили на алтарь и остановились, пытаясь восстановить дыхание. На боку у одной болталась сумка, наполненная чем-то тяжёлым.

— Что-то вы поздно, — нахмурилась на них Любомира.

— Еле поймали! — довольно произнесла Северина, у которой на ладонях была видны плохо вытертые красные полосы. — Ну и пока кровь спустили, тоже время ушло. Тяжёлый, бока отъел!

Агния потащила вновь прибывших к ручью — споласкиваться, а потом расчесываться и заплетаться. К моменту, когда солнце скрылось за горизонтом, все пять женщин были наготове — они скинули свои платья, аккуратно убрав их в пещеру, и остались в просторных белых сорочках без поясов и застёжек, босиком и с распущенными волосами.

Они запели какую-то песню и торжественно высекли огонь из кресала, разжигая костёр. По мере того как пламя разгоралось, наполняя дымом поляну, девушки ускоряли своё пение, а под конец закружились в танце вокруг костра.

Алёна присоединилась к ним, подняв руки кверху и пытаясь повторять их движения. Что-то она помнила, что-то не очень, но душа рвалась и звала в пляс. Наташа осторожно отошла и присела на землю, обняв руками колени. Для неё всё происходящее было наполнено каким-то очарованием и детской мечтой о колдовстве и большой дружной семье.

И только Данила ощутил какую-то острую саднящую тоску по несбывшемуся. Он слишком хорошо помнил чувства, которые обуяли Яромира, его любовь и преданность этой красноволосой женщине, занимающейся каким-то непотребством. Было жаль этой молодой загубленной жизни, которая могла быть такой яркой и счастливой. Если бы Огнедара вышла замуж за князя и родила ему детей, они бы могли стать самой могущественной парой в Карпатах.

С его силой и ловкостью, бесстрашием и умением управлять людьми, с её колдовскими способностями и тайными знаниями они бы стали непобедимы! А сколько ночей любви смог бы он провести под боком у такой жены!

Теперь он понимал, что всегда испытывал такую тоску по отношению к Алёне. Не мог понять её природы и пугался, нарочно отталкивая от себя. Делал больно и предавал именно потому, что не хотел быть предан ею первым.

И сейчас, наблюдая, как его огненноволосая возлюбленная веселится возле костра, он вдруг ощутил, как в сердце заполз липкий страх. Он пытался его отогнать, но беззаботное лицо Огнедары и восхищённое лицо Алёны слились для него

в одно — вызывающее неприятное чувство, которое он не мог не узнать. Мог ли он ошибаться? Мог ли сделать неверные выводы? Может быть, всё было не таким, как казалось? Как нечто столь прекрасное, как эти девы, резвящиеся у огня, могло быть столь ужасным, что требовало уничтожения?

Данила почувствовал чувство вины и липкий страх, что ошибся. Сильно ошибся...

Глава 11

Карпаты, IV век

Действо у костра напоминало развеселую вечеринку, только строго подчинявшуюся своим незримым правилам. Верховодила всем Любомира — она задавала тон песням и танцам, она же раздавала всем угощения и зажжённые свечи. Девушки шептали заветные слова, обносили свечами поляну, поджигали пучки трав и дымили вокруг.

Нож молчаливо лежал возле костра, будто бы напиваясь огненной силой. Было видно, что от обилия выпитого вина из кувшинов и от монотонных песнопений ведьмы постепенно впадают в транс. Слышались неожиданные выкрики и странные танцы. Но, как ни странно, происходящее не выглядело вакханалией. Никто не летал на мётлах, не выл на Луну и не протыкал нежную кожу.

В какой-то момент Любомира схватила чёрный мясницкий нож и отошла к кабаньей туше на алтаре, которую заранее обложила ароматными травами. Что-то напевая себе под нос, ловко надрезала свиную шею, отделила от шкуры и вырезала с мясистой части тонкие куски мяса. Потом сложила их в большую миску, достала из-за пазухи какие-то травы и порошки, и, повторяя слова заклинания, посыпала им мясо. Растерла всё это по розовой мякоти и сверху сложила пучки свежих трав, отставив миску под дерево. Рядом зажгла свечи

и вновь отошла к костру.

Девушки тем временем выгребли из пламени угольки и на них положили плоские камни. Когда те нагрелись, то седовласая ведьма шлёпнула на них куски свинины в специях и травах, и те аппетитно зашипели.

— Они что, шашлык жарят? — не веря своим глазам, пробормотал Невский.

— А ты думал, зачем им кабан? — усмехнулась Алёна. — Или ожидал, что они младенцами питаются?

Даня поджал губы и не ответил. И тут подала голос Наташа, внимательно наблюдающая за сценой:

— А вот и главное блюдо пожаловало!

На поляне, ярко освещённый пламенем, стоял князь Яромир. Глаза его жадно блуждали по поляне, впитывая в себя краски и звуки от увиденного. Кулаки бессильно сжимались и разжимались, и на лице была написана откровенная похоть.

Огнедара, смеясь, вынырнула из круга танцующих и побежала к нему, хватая за руку и увлекая в круг. Девушки оживились. Танец их стал откровеннее и энергичнее, они легонько касались мужчину то плечом, то подолом лёгкой рубашки, то вдруг оголяли коленку. Его появление взбудоражило колдовской девичий мирок и добавило огня.

Поляну окутал вкусный аромат жарящегося мяса. Свинина шкворчала на раскалённом камне, но ещё более раскалённый взгляд был у нечаянного гостя.

— Это ритуал такой? Ведьмы специально его сюда заманили? — шёпотом спросил Невский, будто его могли услышать.

— Он был нужен для завершения ритуала. Конечно, его сюда притянули чарами, иначе бы он никогда не нашёл к нам дорогу. Но не больше, — фыркнула Алёна.

— А не врёшь мне? — подозрительно сощурился Даня, отгоняя дым от лица. Пахло вкусно.

— А зачем? Сам смотри! Что-то страшное видел? Противное?

— Противное впереди...

Все замолчали, наблюдая за тем, как ошалело двигался князь в окружении пяти танцующих женщин. Любомира покачивала бёдрами, наслаждаясь его вниманием, хотя и была сдержанней остальных. Цыганки самозабвенно двигались в такт ритму, который отбивала на кожаном бубне самая младшая, Агния. Потом и она отбросила инструмент, влившись в круг. Ей тоже хотелось привлечь внимание незнакомца и опробовать на нём свои чары. Её азарт передался остальным, а ритм остался только в их ушах, но они его безошибочно соблюдали.

Всполохи огня, ноги, руки, блестящие губы и белые зубы, прикрытые глаза и мелодичное пение — всё слилось в одно. Яромир поймал в объятия Огнедару и самозабвенно целовал, блуждая жадными руками по телу. Остальные разоблачались, подставляя свету Луны и яркому пламени части сво-

его тела, усиливая атмосферу страсти и похоти вокруг.

В какой-то момент Северина зажгла крупный моток трав от огня, а её сестра Светлояра принесла то, что скрывалось в её тяжёлой сумке — большой глиняный кувшин с тёмной тягучей жидкостью.

Она налила в глубокую миску содержимое кувшина, посыпала солью и какими-то травами, что-то прошептала и подала старшей из ведьм. Та сделала крошечный глоток и потом пролила на свою грудь часть жидкости. В воздухе запахло железом и кровью. То же самое проделала каждая ведьма, и когда Яромир увидел, что и его красноволосая возлюбленная отпила крови и растёрла её по груди, глаза его закатились и он грохнулся в обморок.

— Слабоват князь оказался, — прокомментировала Любомира. — Ты уверена, доченька, что именно он тебе нужен?

— Да поздно уже назад возвращать, — с сожалением сказала Огнедара, опускаясь на колени перед бездыханным телом. — Не слаб он, впечатлителен.

Девушки, измазанные подсыхающей кровью и усталые, уселись в круг от костра и, не обращая внимания на князя, принялись раздавать друг другу снесь. Зелёный лук, горячее мясо, наколотое на рогатые веточки, молодые яблочки и розовое вино из кувшина. Аппетитный хруст раздавался по поляне, когда крепкие зубы вонзались в толстую корочку свежее испеченного хлеба.

— Что за дебилый сон! Бред! Зачем вы всем этим зани-

маетесь? — ошарашенный Невский психовал и метался по поляне. — Кровь, танцы, шашлык. Что за сюр? Пили кровь, теперь едят мясо, как ни в чём не бывало!

— Ну и что? Ты иди, посмотри, кровь-то кабанья. Ну, надо для некоторых ритуалов её использовать. Но чем они хуже мясника, который разделывает туши для еды? А кровяную колбасу кто ел с аппетитом? — Алёна была абсолютно спокойна и сосредоточена. — А ты что, подумал, что это человеческая кровь?

— Не я подумал, а Яромир! Ты посмотри отсюда — ночь, Луна, тело на алтаре, нож, вы тут кровь распиваете! А эти ещё и насмеваются... Слабоват я, оказывается! — ярился Невский, путая личности, времена и вообще всё на свете.

— Так вот за что ты нас, — пробормотала Алёна и отшатнулась от Дани, уходя в тень от деревьев на краю поляны.

— Алёна! — позвал он, но за ней не пошёл. — Я думал, ты поняла!

Наташа неподвижно сидела, не участвуя в их споре. Ей было интересно досмотреть всё до конца. А тут, на поляне, действие продолжалось. Подкрепившись, ведьмы поднялись и побрели к ручью смывать с себя кровь. Накупавшись в ледяной воде, совершенно голые и трезвые, вернулись на поляну обсыхать.

И в этот момент очнулся Яромир.

— Вставай, вставай, князюшка! — помогла ему подняться обнаженная Огнедара. — Пойдём со мной!

Сонный мужчина безумными глазами смотрел, как она уводит его в пещеру и раздевает там, как малое дитя. Он послушно лёг на тонкую подстилку, а потом отвернулся и отключился.

— Да что такое-то! — в отчаянии воздела руки к небу Огнедара.

Сзади послышался лёгкий смешок Северины:

— Сиди, карауль своего богатыря. Авось ещё проснётся! Ритуал надо закончить!

Огнедара вздохнула и улеглась рядом, обняв его большое тело. Прильнула, пытаясь согреться. Затихла.

Девушки убирали поляну. Любомира разделявала кабанью тушу, отдавая крупные куски мяса Агнии, которая убирала всё в полотняные мешки, проложенные сеном. Цыганки затапывали костёр и убирали остатки пиршества. Безмолвная Луна взидала на происходящее со своим обычным равнодушием. Наташа усмехалась, думая о том, что Яромир оказался сильно не готов к такой женщине, как Огнедара. Обычное дело.

И лишь Алёна с Невским исчезли с поляны, продолжая выяснять отношения где-то там, за пределами слышимости. Всё было так, как обычно.

Когда солнце взошло, в пещере раздались звуки пробуждения: кряхтение, покашливание и недоумение. Спустя несколько минут оттуда как ошпаренный выбежал князь, на

ходу повязывая на штанах ремень с ножнами и выискивая глазами своего коня.

Огнедара же, дождавшись, когда он уйдёт, спокойно вышла из пещеры и Наташа глазам своим не поверила: перед ней возникла совсем другая женщина. Скромно одетая — тонкие руки закрыты рукавами, наглухо застёгнутое платье устремилось в пол, а роскошные яркие волосы убраны под строгий чёрный платок. Вдовья ткань закрывала высокий лоб и скорбно очерчивала лицо, усиливая тени вокруг глаз. Тяжёлая коса была убрана в пучок и тоже спрятана под чёрную ткань.

Потратив минут пятнадцать на то, чтобы завалить вход в пещеру камнями, Огнедара сделала пассы руками и прошептала заветные слова, а затем, не оглядываясь, унеслась в лес. Наташа припустила за ней.

Добежав до избушки, вдовушка проскользнула внутрь и принялась хозяйствовать — подоила корову, покормила птиц, собрала нехитрый урожай с огорода — нарвала лука и трав, гороха и щавеля. Поздоровалась с соседкой, подмела двор. Потом набрала воды в колодце и скрылась в доме. Наскоро перекусив и поставив тесто на опару, вымыла руки каким-то мутным густым раствором с травянистым запахом, ополоснула лицо и, вытерев ладони о передник, сняла его и повесила сушиться.

Наташа следовала за ней, как тень, удивляясь скудости растений и их размерам. Стручки зелёного гороха были

вдвое меньше, чем в наше время, и в каждом помещалось не более трёх семян. Щавель с мелкими листьями и лук с тонкими стрелками тоже были непохожи на своих будущих сородичей. Мука была серая и плохо перемолотая — такую у нас продают с шильдиком «ручной помол» и ломают тройную цену. Наверняка, мололи на жерновах сами...

Мыльный раствор хотелось зачерпнуть и посмотреть, что это такое. Но Огнедара вертелась, как волчок, и Наташа за ней не успевала. Почти бегом последовала за ней на улицу, а там уже былолюдно. Молодая вдова шла, опустив глаза в пол, и вокруг неё образовывалось пустое пространство. Люди не любят видеть чужие неприятности, и поэтому неосознанно стараются обходить того, кто их несёт на себе. Вдовый плат Лучемиры-Огнедары оберегал её от любопытства лучше, чем доспехи любого рыцаря. Долго смотреть на неё считалось зазорным, и Наташа заметила, что каждая женщина, встретившая скромную вдову, потом обязательно крестится и ускоряет шаг.

Та же молча шла в княжий терем, изредка кивая на улице знакомым людям. Фигура её полностью скрывалась под просторным платьем, но что-то в её походке всё равно притягивало мужские взгляды. А что бы было с ними, если они хоть глазком увидали празднество на поляне?

— Здоровья тебе, Лучемира! Припозднилась ты сегодня, а ведь у князя пир! — строго сказала ей дородная кухарка, встретив её в дверях большой кухни на первом этаже терема.

Оттуда неслись ароматы и стук ножей, и Наташа с большим любопытством протиснулась туда, желая увидеть, как работает средневековое хозяйство.

Внутри было душно и шумно. Люди буквально толклись вокруг столов, но каждый был занят. В одном углу две сноровистые бабы щипали птицу, кидая перья прямо под ноги, на земляной пол. Тот впитывал в себя кровь и другие жидкости, внося нотку смрада в кухонные запахи.

В другом углу мускулистый мясник рубил тушу на части. Мальчишки сновали туда-сюда, вынося грязную воду в ведрах из-под мытых овощей и корнеплодов, и приносили взамен чистую.

В дальнем конце, у жаркой печи, трудились три повари-хи, которые заведовали выпечкой. Именно к ним и отправилась Огнедара. Она ещё раз сполоснула руки и встала у стола, сноровисто вливаясь в коллектив. Заворачивала начинку в тесто, формовала караваи, поливала мёдом и посыпала орехами уже готовую сдобу.

Кухня Наташе не понравилась. Слишком много тут было антисанитарии — грязными руками хватали и ножи, и кровавое мясо, и сырые овощи, которые будут подавать сырыми. Заскорузлые руки с грязью под ногтями вымешивали тесто, рубили зелень, выкладывали на блюда готовые яства. Половники не мылись, а вытирались грязными фартуками и вновь шли в дело.

Удивительно, как в таких условиях князь и его домочадцы

вообще выживали и не помирали от поноса. Наверное, у них был крепкий иммунитет и лужёные желудки.

Когда наблюдать за кухней стало скучно, Наташа вышла на улицу и побродила между столами. Те уже выставили на поляне и протирали от пыли и паутины.

Издалека слышались звуки охоты — на взмыленных лошадях влетели взбудораженные мужчины, бряцая оружием и подзывая собак. Они гоготали и были сильно навеселе. В княжеском дворе тут же стало шумно и весело, слуги побросали свои дела и побежали глазеть на охотничий улов. Два кабана и несколько десятков птиц, названия которых Наташа не знала. С них капала кровь прямо в мелкую пыль, собаки мельтешили рядом, чуя мясо и норовя ненароком облизнуть надрезанные края туш. Их отгоняли, они трусливо поджимали хвосты между задних лап и пытались вновь подобраться к добыче.

Кровь, пыль, пот и жара — вот она, средневековая реальность. Никакой романтики Наташа тут не увидела. Голые инстинкты и человеческие страсти, которые показались ей отвратительными.

Наконец, на шум из леса вышли пришельцы из будущего — Алёна и Данила шли за ручку, как юные влюблённые. Наташа заставила себя собраться и не отвести глаза — наоборот, приветливо улыбнулась и спросила:

— Всё в порядке?

— Почти, — кивнула Алёна. — Мы что-то пропустили?

— Да вроде нет, — покачала головой Наташа. — Князь охотился, ведьма работала. Ничего интересного!

— Ну мы так и думали, — многозначительно сказал Данила и притянул к себе Алёну, чмокнув её в макушку. — Сейчас будет пир, на котором князь узнает, что у ведьмы есть второе «я». Скромная вдовушка Лучинка, которая вне подозрений...

— Я уже увидела её перевоплощение. Любая актриса ей позавидовала бы, — улыбнулась Наташа и наконец отвернулась. — Чем займёмся?

Но ответить ей никто не успел — внимание привлёк друг князя, который как-то странно озирался и бочком передвигался к кустам. Наташа рванула за ним, и успела увидеть, как мелькнуло яркое платье и цветастый платок, а Мирослав уводил нарядную девушку от княжеского двора напрямик к реке.

— Да это же цыганка! — воскликнула Наташа, и на этих словах Невский появился рядом.

— Какая? Ведьмина сестра? — удивленно спросил он.

— Да...

Парочка спешно удалялась вперёд, и судя по руке, лежащей на талии девушки, они уходили не лясы точить.

— Пойдём за ними? — вопросительно обратилась Алёна к друзьям.

— Не нужно... Ничего нового мы там не увидим. Поцелуйчики, разговоры. Наверное, Мирослав выясняет про Лу-

чинку, кто такая, — пробормотал Невский и развернулся. — Хотя, если хотите — можете и пойти.

Наташа пошла за парочкой, бросив за плечо:

— Я прослежу, а вы идите на пир. Может, ещё что интересное заметите!

Она не хотела находиться с ними рядом дольше необходимого и предпочла заняться чем-то другим. Разделяться тут, где их никто не видел, было не опасно, поэтому она и выбрала этот путь.

Светлояра (а это была именно она) далеко Мира не увела. Прислонилась к дереву, и, дразня его взглядом, рукой преградила путь к лицу, куда он потянулся с поцелуем.

— Ну чего дразнишь, глупая? — проворчал он, напирая на неё всем телом.

— А ты не знаешь? — лукаво хихикнула она, прищуривая чёрные цыганские глаза. — Чего шёл тогда, коли так?

— Как подругу твою зовут? Ну ту, рыжую? — перешёл от слов к делу Мирослав, обездвиживая девушку руками, упёртыми в ствол дерева по обе стороны от лица.

— Лучемира, — тут же сдалась Светлояра. — Лучинкой кличут. Вдова она, не по зубам твоему князю.

Цыганка улыбнулась, и коварство её ухмылки было понятно только Наташе. Не далее, чем прошлой ночью танцевала она с князем и той «вдовой» вокруг ведьминского костра, потому с полуслова понимала Мирослава.

— А не твоего ума дела. Лучше поцелуй, не томи, — по-

просил он и она позволила, пустила к губам, первая подавшись всем телом. По всему было видно — приятен ей был княжий друг, и с радостью отдавалась его рукам.

Только одного не видела Светлояра — вторая цыганка недовольно поглядывала издалека, с нетерпением ожидая сестру. И недовольно морщилась при виде молодого воина, страстно её ласкавшего. А вот Наташа похолодела — больно недобрый был у неё взгляд. И за Севериной точно стоило проследить!

Глава 12

Карпаты, IV век

«Наташа», — пронеслось в голове её имя, и она тут же оказалась в другом месте — там, где Алёна с Даней торчали у княжеского терема, явно кого-то карауля.

— Вы пропустили кое-что важное! — с досадой проговорила она. — Слуга Яромира завёл шашни с цыганкой, Светлоярой!

— Да ладно! — Невский явно был удивлён новости. — Я не знал. И чего они?

— Она ему скармливает информацию об Огнедаре, — поделилась Наташа.

— Вот тебе и сестра, — прошептала Алёна, чувствуя, что внутри стало нехорошо.

— Ну а что, ты правда верила в женскую дружбу? Нет её, Алён. Рассчитывать нужно только на себя!

— Неправда! — возразила она, но тут взгляд её упал на Наташу и она осеклась.

— Правда, — покивал Невский и перевёл тему. — Мы ждём княжну, она сегодня должна сделать что-то очень нехорошее, если я правильно помню.

— Ну если вы знаете об этом, то зачем караулите? Не лучше ли проследить за Севериной с Светлоярой?

— Да на что они нам сдались? А про Златославу мы ни-

чего не знаем — только то, что она ночью ходила к Огнедаре за приворотным зельем, — возразил Данила.

Тут мимо них прошмыгнула фигура, завернутая в тёмный плащ.

— Пошли! — скомандовал Невский. — Пора!

Княжна, очевидно, ничего не боялась, потому что уверенно шла вдоль плетней, прячась в тени, если кто-то шёл по дороге. На столицу опустилась душная ночь, и в редких окнах горели свечи. Большинство жителей спали, утомлённые жарким трудовым днём. С первыми лучами солнца снова нужно было вставать и заниматься обычными делами, и нельзя было терять ни секунды времени, когда на улице вновь посветлеет.

Златослава постаралась на славу — её пышные волосы были спрятаны под объемный платок, фигура укутана в безразмерное платье из грубого коричневого полотна. Статус девушки выдавали только башмаки — из тонкой кожи, изящные. Такие ботиночки нельзя было так просто заменить на служанкины, и она понадеялась на темноту.

Трое невидимых преследователей скользили за ней, сгорая от любопытства. Что она скажет Лучинке? Неужели так запросто доверится ведьме?

По условному стуку в дверь Лучинка выглянула и запустила в избушку ночную гостью. Войдя вслед за нею, незваные посетители удивлённо ахнули. Теперь это был настоящий ведьминский притон. На печке кипел котёл, на столе ле-

жали пучки трав и снадобий, поблёскивал острый нож. Ставни были плотно закрыты, и комнату освещали всего три ярких свечи. Иконы были сняты, в воздухе пахло каким-то едким маслом или мылом.

— Принесла? — молвила Лучинка, которая сменила вдовый платок на белый, строго завязав его на голове. Волос и сейчас не было видно, но всё равно Алёна удивилась, как сильно ведьма рисковала, запуская в дом посетительницу. Почему не делала этого в лесной избушке?

— Да, — ответила Златослава и положила на стол золотую монетку.

Невский шумно выдохнул.

— Что, ты боялся, что и она притащит твою вещь? — догадалась Наташа и рассмеялась.

— С этими ведьмами ни в чём нельзя быть уверенным, — парировал он и отвернулся, чтобы проследить за ходом беседы.

— Садись, коли пришла, — скомандовала Огнедара-Лучинка, и указала на место за столом. — Чего желаешь? Что душу тревожит?

— Замуж хочу за любимого, — быстро выпалила Златослава и пытливо заглянула в глаза ведьме. Привычна была, что робеют при ней люди, но эта была не такая. Смотрела в глаза прямо, не скрываясь, да ещё и усмехалась уголком рта!

— Что мешает? — резонно удивилась ведьма и застыла, ожидая ответа.

— Воля батюшкина мешает. А послушаться не смею — долг превыше всего, — пояснила Златослава и оробела сама. Непривычно было говорить начистоту, да ещё с незнакомым человеком. — Сумеешь помочь?

— Смотря чего ты хочешь на самом деле. Говори, — Огнедара смотрела прямо в глаза гостье и говорила монотонным повелительным голосом, будто хотела загипнотизировать.

— А что говорить? Хочу, чтобы тот, кто понравился, сам посватался. Он лучше, чем мой жених, и отец точно согласится, — неуверенно проговорила княжна.

— Уверена? — прищурилась ведьма.

— Да, — твердо ответила Злата.

— Значит, зелье нужно для любимого, не для отца? Ты точно решила? Назад дороги не будет.

Злату передёрнуло от отвращения, но она резонно решила, что лучше пробовать колдовство на чужом мужчине, чем на любимом отце. Тут она знала точно.

— Руку дай, — протянула ладонь Огнедара и ухватила тонкими пальцами запястье княжны. Второй рукой поднесла свечу и долго вглядывалась в линии при тусклом мерцающем свете.

— Странно... — закусила губу и нахмурилась ведьма. — Рваные дорожки, кривые перекрёстки... Жизнь долгая будет, и муж будет любимый. Дети тоже... Страстная ты, горячая. Повезёт ему.

Злата кивала и ждала ещё слов, глазами умоляя сказать больше, раскрыть все тайны.

Но Огнедара больше не смотрела на ладонь, она заглядывала в глаза Злате и будто бы не решалась что-то произнести.

— Грех на тебе большой будет... Страшный. Пока ещё не совершила зла, но коли совершишь, то несчастлива будешь! Проклята будешь! Всё счастье своё отпугнёшь!

— Что за грех? А муж будет тот, кого хочу? — уточнила Злата.

— Да, тот, кого задумала, тот и будет, — отрывисто сказала Огнедара и, быстро схватив нож, воткнула его в мягкую часть ладони гостьи. Злата ойкнула, отдёрнула руку и нахмурилась, но ведьма удержала и сжала кожу, цедя капли крови над миской.

Потом, поднявшись, зачерпнула из котла варево в ту же миску и смешала с зельем. Потом, отвернувшись, бросила туда что-то ещё и помешала, шепча еле слышно колдовские слова.

Протянула миску Злате и скомандовала: «Пей!» Та подчинилась, и, брезгливо поморщившись, выпила. Ведьма взяла и остатки зелья вылила в крошечный глиняный пузырёк, после чего закупорила его деревянной пробкой.

— Эту часть зелья выльешь в питье тому, кого приворожить хочешь. Станет послушный твоей воле, и сделает всё, как ты хочешь! Только смотри — думай наперёд, беда над тобой висит. Помни об этом! Коли согрешишь — несчаст-

ливой будешь!

Злата схватила непослушной рукой пузырьёк, а вторую потянула ко рту, слизнуть свою кровь и остановить её. Кивнула, вставая, и тут стало заметно, что тело её бьёт крупная дрожь.

У непрошенных зрителей тоже пробежал озноб по телу, и Невский, зная, чем закончится сон, похолодел. Знала, ведь-ма, что её ожидает? Или нет?

— Не знала она, — ответила нам негаданный вопрос Алёна. — Видела знаки, чувствовала угрозу. Но изменить то, что ещё не было даже решено, было не в её власти.

И они, не сговариваясь, уставились на Наташу. Но та замахала руками и быстро произнесла:

— Не рассказывайте! Хочу своими глазами увидеть! Спойлеров не надо!

Те кивнули и оглянулись, удивляясь, куда исчезла Злата. Она умела бесшумно покинуть место — в этом ей не откажешь.

Огнедара быстро металась по избе, прибирая все колдовские предметы по сундукам да по ящичкам под лавку, как услышала осторожные шаги под дверью. Быстро накинула чёрный платок на белый, и, завязывая концы проворными пальцами, тут же приоткрыла её, опередив гостя, занёсшего руку для стука. Увидев Яромира, недовольно произнесла:

— Чего тебе, князь? Ужели дня не хватило налюбоваться?

— Я узнать хотел... — слышался глухой голос Яромира.

Огнедара оглянулась на избушку, где царил ведьминский беспорядок, и решительно закрыла дверь, не успев всего на мгновение — нахал поставил ногу в щель и грозился прорваться внутрь. А этого нельзя было допустить.

— Чёрт с тобой, иди в лес, — молниеносно приняла решение Огнедара и пообещала придти позже, как Луна выйдет.

Небесное светило и правда было скрыто тучами — в этом Невский убедился, когда вышел на улицу вслед за князем. Откуда ведьма узнала это, сидя в своей тесной избе?

Огнедара тем временем завершала уборку, а потом, ополоснув руки и лицо в ведре, загодя принесённом с вечера, разоблачилась донуга. Открыла ближайший к двери сундук, схватила лежащий на самом верху плащ с дорогой застёжкой в виде совы с драгоценными глазами и положила на лавку. Немного подумав, накинула лёгкую рубаху и сверху прикрылась просторным плащом.

— Ну гляди, князь, сам напросился! — мстительно произнесла она и решительно сняла с головы платки, распуская волосы. После кос локоны ложились на плечи мягкими завитками и ласкали нежную кожу. Она потрянула головой и накинула на неё капюшон, скрыв красные пряди. — Да и ритуал нужно закончить. Так что — все дороги ведут к тебе.

И она, поведя плечами и затушив последнюю свечу, выскользнула из избушки и припустилась по примятой траве в лес. Будто бы чуяла, какими тропами шёл князь, и где его искать — ни разу не ошиблась, пока не увидала его фигуру

в темноте. Кольцо судьбы замкнулось.

Было что-то странное в том, чтобы тёмной ночью стоять возле неприметной землянки, переминаясь с ноги на ногу, и представлять, что там внутри происходит. Невский не желал заглядывать, и Алёна по глазам видела — помнит всё, паршивец. А она и сама помнила — и то, как горяч был князь, и как сама откликалась на его ласки. Уговаривала себя Огнедара, что нужен он ей только для продолжения рода, а сама втайне думала о нём весь день.

Руки споро делали работу, а в голове грезилось, как прикоснётся она к его губам, как проведёт ладонями по гладким выпуклым мышцам, покрытым бронзовой от загара кожей. В потайном месте у неё лежала его кожаная повязка, и когда было совсем невмоготу, она украдкой доставала и проводила по ней пальцами, а потом вдыхала запах кожи, смешанной с его потом. И ругала себя за неосмотрительность, и убирала свой секрет подальше, обещая больше не доставать.

Здесь же, на лесной поляне, воздух густел от страсти, которая так и сочилась из лесного домика. Первой не выдержала Наташа. Поднималась где-то в душе задавленная ревность, и захотелось очутиться подальше от этого места. Пускай себе причастные смакуют момент, а душа её потянулась к Златославе. Чувяла она, что страдает княжна.

Подумала — и очутилась прямиком у дочери Добромысла в покоях. Та уже успела скинуть с себя служанкино платье,

и сидела, теребя в руках глиняный пузырёк.

— Всё ли получилось, княжна? — свистящим шёпотом спросила верная Лукеюшка. Глаза светились любопытством, пальцы нервно теребили кончик косы, который она ещё не успела расплести на ночь.

— Рано о том судить. Зелье-то у меня, а вот как оно будет... — Злата не скрывала своих сомнений. Здесь, в своих покоях, в присутствии верной Лукеи она сбрасывала маску и становилась самой собой. Надменность исчезала и появлялась обеспокоенная своей судьбой девушка, которой очень хотелось всё самой контролировать и непременно быть счастливой. Но вот будет ли она довольна жизнью, если рядом будет Яромир? Этого она не знала, от того и мучилась сомнениями, раздумывая, стоит ли пускаться в дело колдовское зелье.

— Его надо подлить в питье князю Яромиру. Осталось подумать, как и когда это сделать, — наконец произнесла она, и Лукея поняла — её госпожа решилась.

— А вы носите кувшинчик с собой. Как только будет удобный случай — подайте ему питье из своих рук, да незаметно подлейте, — быстро проговорила служанка. — А я помогу!

— Завтра будет пир. Надо будет выглядеть особенно хорошо! — зевнула Златоглава, чувствуя, как её покидает напряжение. — И поэтому пора спать. У тебя есть сонное зелье?

Лукея кинулась к мешочку с травами, лежащему в сун-

дуке, и убежала заваривать питьё. Когда минут через пятнадцать вернулась, то Наташа уловила яркий аромат ромашки. «Зелье, надо же», — усмехнулась она про себя и поняла, что больше в покоях ничего интересного не будет.

Вся жизнь здешняя пронизана колдовством, — подумалось ей. Ромашка — сонное зелье, мужика приворожить — обычное дело. Чем ещё удивят Карпаты?

Выходя от Златы, Наташа невольно увидела, что Лукея выскользнула из терема и поспешила в лес.

«А это уже интересно!» — подумалось ей. И она поспешила за служанкой, пытаясь понять, какие ещё секреты у той припасены.

И не ошиблась. На берегу реки, которая протекала недалеко от княжеского терема, сидела Северина. Её лицо было недовольно, и увидев Лукею, она вскочила и напряглась.

— Да не бойся ты, я тебе награду принесла, — окликнула Златкина служанка, и Северина осталась. — На вот, держи, не обманула.

И вложила в ладонь цыганки пару серебряных монет. Та хитро улыбнулась и спрятала их за пазуху.

— Нагадала чего твоей хозяйке моя сестрица? — поинтересовалась она, сверкая белыми зубами.

— Не твоё то дело! — огрызнулась Лукея. — Только будешь ещё в княжий терем таскаться, я тебя охране сдам! Вот те крест, сдам!

И она быстро перекрестилась, отступи на шаг от ведьмы.

— Ну сдай, коли не боишься, — усмехнулась черноокая Северина. — Приду к тебе ночью, когда никто не спасёт, и в ад утащу!

И расхохоталась так жутко, что даже у Наташи по спине поползли мурашки. Лукея же и вовсе припустилась бежать, будто бы за нею черти гнались.

А Северина, радостно смеясь, ушла в другую сторону. Она шла по лесу, будто днём. Глаза её, привычные к темноте, как у кошки, легко выхватывали тропинку, скрытую кустами да кочками. Пышный мох пружинил под ногами, сменяясь то камнями, то поваленными деревьями. Она легко кружила, выбирая дорогу и осторожно перебирая ногами.

В какой-то момент остановилась и замерла, прислушиваясь. Брови недовольно сошлись на переносице, услышанное точно не понравилось. Внезапно она вслух выругалась на языке, которого Наташа не понимала. Послышался топот, шум сломанных веток и разочарованный вздох.

Северина уверенно пошла вперёд и Наташа увидела то, что её разозлило. Светлояра быстро одевалась, поправляя платье и одежду, и смущённо закрывала черными волосами лицо. Непривычный вид её говорил о том, что она была застукана на месте преступления.

— Ты опять с этим? — брезгливо спросила Северина, нависая над сестрой.

— Да чего ты ко мне пристала! — пыталась защититься Светлояра. — Ты мне не мать, чтобы отчитывать! И вообще,

я старше!

— Старше, да глупее, — огрызнулась сестра. — Будто не понимаешь, почему тебе нельзя с ним путаться! Он чужак! Не цыган!

— И что? Будто бы на цыганах свет клином сошёлся, — пробурчала Светлая, окончательно приведя в порядок платье и поднимаясь, чтобы стоять вровень с сестрой. — Да и где они? Когда табор был здесь в последний раз?

— А ты что, потерпеть не можешь? До старости тебе ещё далеко!

— Да ты сама как на князя смотрела, когда у костра танцевала, думала, я не видела?

— Так смотрела, но не трогала! Запрещено нам!

— Это тебе запрещено! А я жить хочу! Любить хочу того, кто мне мил, а не того, на кого ты укажешь. Это у тебя кровь что вода — холодная и безжизненная, а у меня страсть по венам течёт! Больше не буду тебя опасаться — ничего ты мне не сделаешь! В открытую буду с ним любиться, тебе назло!

Северина вновь выругалась и схватила сестру за косу:

— Ещё раз с ним увижу — косы твои обрежу, чтоб не смела людям на глаза попадаться! Иди в избу, спать ложись! Не дам тебе запреты нарушать, предков наших бесчестить. Смотри — не шучу!

От сестёр во все стороны летели искры, как от костра. Одна бушевала, другая защищалась, но от всего их разговора веяло большой бедой.

«Где-то здесь и началась трагическая развязка, — подумалось Наташе. — А не там, где ищут Алёна с Данилой. Если они не поймут, что произошло на самом деле, то никогда не распутают свои отношения».

Хотя... Какое ей до этого дело?

Она побрела за сёстрами, слушая ругань цыганок и страшные проклятия, которыми те бросались друг в друга. Даже в самой дружной семье есть место раздору и склокам. Знала ли Огнедара, что между близнецами есть такие ссоры?

Вряд ли.

Глава 13

Карпаты, IV век

— Не только Огнедара резвится с князем, — выпалила Наташа сразу же, как поутру увидела Алёну с Невским. Те были хмуры и держались друг от друга на расстоянии. Опять поругались?

— Но и сестра её, Светлояра, крутит роман с Мирославом. А Северина против, потому что он не цыган, — добавила Наташа.

Парочка переглянулась друг с другом, и оба растерянно пожали плечами.

— Странно... Я ничего такого не замечала, — пробормотала Алёна. — Ты думаешь, это важно?

— Я пока не знаю, но... — начала Наташа, когда Данила её перебил:

— Это имеет значение, потому что Мирослава убьют! И если он якшался с ведьмами, то это доказывает их вину!

Алёна отшатнулась от Данилы и отошла на шаг назад.

— Ты идиот, Невский! Именно поэтому мы и не смогли быть вместе. Как можно жить с таким примитивным мышлением?

— Так, а давайте успокоимся! — неожиданно повысила голос Наташа. — Я понимаю, что мы тут все не совсем по своей воле застряли, но и ругаться постоянно не вариант!

— Наташа, ты не понимаешь, что происходит, потому что не видела сна до конца! Знаешь, что этот идиот сотворит? Он обвинит меня и сестёр в смерти Мирослава, схватит и на месте приговорит к казни. Он убьёт нас всех!

Алёна была близка к истерике, и по ней было видно, что по мере продвижения к развязке её охватывало странное лихорадочное состояние. Спокойная, рассудительная и уверенная в себе женщина уступила место эмоциональной и ранимой девушке, и она, единственная из всех, слишком близко к сердцу принимала всё, происходящее в этой жизни.

— А вы действительно его убили? — задала вопрос Наташа и внимательно посмотрела на лица друзей.

— Нет! — Алёна выкрикнула это, до глубины души возмущённая вопросом.

— Как нет?! — тут же встрепенулся Невский. — А кто? Вы узнали, что я послал Мира тебя украсть, и убили его!

— Ты что, идиот? — второй раз оскорбила его Алёна. — Мы не убивали никого! И если бы ты дал себе время хоть немного разобраться, то узнал бы об этом.

— Стоп! Я уже ничего не понимаю. А кто его убил? — Наташа выставила впереди себя ладони в защитном жесте.

— Да откуда я знаю! — ответила Алёна. — Я до сих пор не понимаю, почему он решил, что это мы!

— Потому что вы пили кровь на шабаше, а у Мирослава не осталось в теле ни капли! — Невский почти кричал. Он покраснелся и вены на его шее вздулись. Он был зол и рас-

терян.

— Да мы кабанью пили! И то по глоточку! Мы что тебе, вампиры?

— Ну так-то мы в Карпатах! Родина Дракулы, разве нет?

— Подождите. Алёна говорит, что они не убивали Мирослава. Ты говоришь, что больше некому было его убирать с дороги. Ты — незаслуженно убил ведьм, а Алёна до сих пор хранит на тебя обиду. Вот и причина, почему нам всем вдруг показали эту жизнь! — догадалась Наташа.

Алёна закатила глаза и отвернулась, Невский сложил руки на груди. Им нечего было сказать в ответ

— Где ты последний раз видел Мирослава? Давайте перенесёмся туда и посмотрим, что случилось на самом деле! — трезво сказала Наташа и приблизилась к ним, чтобы взять за руки.

Все трое прикрыли глаза и в то же мгновение оказались в хорах Златославы.

Княжна задумчиво сидела, вертя в руках вышивку. На деревянной раме белел тонкий лён, туго натянутый и расправленный на гигантских пяльцах, а рядом с девушкой были разбросаны перепутанные нити. Творившийся вокруг беспорядок явно выдавал смятение, творившееся в душе Златы. Перед ней с понурившейся головой стояла верная Лукея, которая шёпотом докладывала:

— Десятую ночь уже с ней кувыркается пресветлый

князь... Совсем дурная вдова стала, людей не боится, все ночи по лесу шастает, в ту избушку лесную, — и торопливо перекрестилась.

— А я-то думаю, почему он на меня даже не смотрит... И будто знает про зелье, чарку отвергает раз за разом. А эта сучка какова — и золото взяла, и перед князем оболгала...

Златослава побледнела, обдумывая положение.

— Что делать, Лукея? — княжна закусила полную губу, страдая от предательства Яромира. — Как снести позор?

— Есть ещё одно, что вы должны знать, моя госпожа. Слуга князя, Мирослав, путается с одной из ведьм. Сестрой той, которая свела вас с рыжей. Возможно, они все вместе что-то замышляют против вас...

Глаза служанки хитро блеснули.

— Я могу подкупить кое-кого, чтобы наказать этого слугу. И чтобы князь подумал на свою ведьму... — медленно произнесла она, внимательно следя за выражением лица княжны.

— Разве это как-то мне поможет? — удивилась Златослава.

— Ну если между вами и князем стоит ведьма, то стоит её убрать, и тогда он выпьет ваше зелье! А дальше — всё как обсуждали, план со свадьбой должен сработать!

— Делай, как знаешь, Лукея. Возьми золото из шкатулки, но только не украшения. Я не должна быть замешана во всём этом!

Алёна с Невским посмотрели на Наташу:

— Ну вот теперь мне понятно, причём здесь ты! — ехидно сказала Алёна. — По всему выходит, что вы оба во всём виноваты! Причём везде и всегда!

— О чём ты? — не поняла Наташа, которую будто обухом по голове огрели.

— Ну в этой жизни ты заставила князя меня убить. В Неаполе — ты тоже отняла его у Виттории, потому что его убили из-за тебя. Да и сейчас ты втёрлась ко мне в доверие, а сама за моей спиной переспала с моим бывшим. Везде и всегда ты!

— Марино убили не из-за меня! — возразила Наташа, но кровь уже бросилась ей в лицо.

— И это всё, что ты можешь мне сказать в своё оправдание? — презрительно бросила Алёна. — Ты — причина моих бед! Уже третью жизнь подряд!

Наташа не нашлась, что ответить, но почувствовала вдруг такую боль, что просто развернулась и пошла прочь из покоев Златославы.

Невский повернулся к Алёне и сказал:

— Не надо так, Алён. Наташа всю жизнь была тебе опорой, мне ли не знать...

— А ты тоже хорош! — обвиняющее произнесла Алёна. — Ты — просто слабак! Ты предпочёл наказать меня ни за что, вместо того, чтобы разобраться, кто убил твоего друга. И ещё четверых невинных убил! Даже девочку, Агнию,

не пожалел! А в Неаполе? Тоже мне, благородный мафиози. Мutil что-то там с этим Жулио за моей спиной, поэтому лишил меня дочери! Я вообще не понимаю, как меня угораздило в тебя влюбиться и страдать столько лет!

Алёна расплакалась и побежала на улицу, а Невский остался в комнате.

Наташа шла по лесу, не разбирая дороги. Река, что текла позади княжеского терема, оказалась необычайно глубокой, поэтому девушка просто пошла вдоль неё, стирая слёзы с лица. Это путешествие вглубь прошлых жизней оказалось для неё шоком. Неужели так можно — увидеть все свои решения, повороты судьбы и неправильные выборы? Верно говорят — всё тайное становится явным. Даже если ты умерла, прошлое не отпустит. Оно будет преследовать вновь и вновь, возвращая тебе тех людей, которым ты причинила зло. И кто причинил зло тебе.

До каких пор мы будем связаны? — думала Наташа, чувствуя холод реки, когда она шла вброд. — Неужели нет никакого способа изменить то, что уже произошло? Разорвать эту связь, чтобы уже сейчас не видеть ни лица Невского, который всё ещё вызывал какие-то чувства, ни ехидной улыбки лучшей подруги, которая теперь стала врагом номер один?

Может быть, для того, чтобы всё закончилось, нужно просто умереть? — размышляла она.

— Не-е-ет! Так просто меня никто не отпустит! — рас-

смеялась вслух Наташа и удивилась звукам своего голоса. — Раз я путешествую уже по второй прошлой жизни, то кто знает, сколько жизней впереди меня ещё ждёт в окружении Невского и Алёны?

— Эй ты там, кто меня сюда закинул! — Наташа подняла голову вверх и закричала на весь лес. — Тебе тоже надоело смотреть, как мы мучаемся и предаем друг друга? Может быть, у тебя на нас другие планы? Помоги мне! Дай хоть какой-нибудь знак!

И она застыла, прислушиваясь к шуму ветра. Вокруг уже начало темнеть, и птицы как-то одновременно замолкли, прислушиваясь к её словам.

— Ну чего ты? Начал помогать, так доведи дело до конца! Что я должна сделать? — крикнула она в пустоту, но ответом ей была тишина.

Тогда Наташа развернулась на пятках и пошла в обратную сторону. Думать о своих друзьях ей не хотелось, чтобы ненароком не переместиться в их компанию, и она просто брела по воде, считая шаги. Ей было невыносимо думать о том, что она — плохая. Что виновна во всех бедах и попросту мешается под ногами у тех, кому судьбой суждено быть вместе.

Как её занесло в этот треугольник? Что она здесь делает и зачем? Ей была дарована такая прекрасная жизнь — красивая княжна, сиди себе в хоромаш да вышивай. Ни тяжёлой работы, ни нужды, отец — любящий и заботливый! Ну вот чего ещё надо было? Зачем ей этот князь?

— Попался, жеребец! — послышался вдруг громкий шёпот и Наташа остановилась. — Кого поджидаешь? Уж не сестрицу ли мою?

Послышался звук стали, доставаемой из ножен, и короткий вскрик. Потом звуки борьбы и пыхтение, которое довольно быстро кончилось.

— Да ты ненамного тяжелее кабана, — проворчала Северина и спустилась к реке помыть руки. Наташа стояла прямо напротив неё и глядела во все глаза. — Сам виноват!

Потом она вышла из воды и схватилась за верёвку. Ещё минут пять — и Мирослав с перерезанным горлом повис вниз головой над водой, привязанный за ноги крепкой петлёй к самой толстой ветке на дереве. Кровь медленно стекала в студёную воду, просачиваясь сквозь поперечную рану на шее.

— Ни одна собака тебя теперь не найдёт! — пробормотала Северина и вытерла острый охотничий нож о траву.

Но Мирослав уже не мог ей ответить — душа его отлетела и была на полпути в рай. Или в ад.

Потрясённая Наташа робко позвала в темноту: «Алёна! Данила! Скорее сюда!»

И они тут же материализовались прямо в воде. Но не успели оба возмутиться холодом, который тут же проник во все клеточки тела, как она указала им на тело Мирослава.

— Смотрите! — глаза её были расширены от ужаса, а внутренности были готовы вырваться наружу. Сильно тош-

нило.

Алёна прикрыла рукой рот, чтобы не закричать, а Данила подошёл к мертвому телу и сдавленно спросил:

— Кто его так?

— Северина... Сестра Светлояры! — ответила Наташа.

— Цыганка? Значит, всё-таки ведьма убила... — пробормотал он, не глядя над Алёну.

Сдавленный вздох слышался вдруг возле тела Мирослава. Запыхавшаяся Лукея смотрела во все глаза на покачивающееся над водой тело и истово крестилась:

— Господи, прости меня грешную! — пробормотала она и начала скороговоркой шептать молитву. В руке звенели золотые монеты, которые она не успела отдать. — Только замыслила плохое — а оно уже свершилось! Не иначе, чёрт шутит!

И она, приподняв подол просторного длинного платья, припустилась бежать от места преступления.

— Не Злата это, — пробормотала Наташа. — Слишком много врагов было у твоего друга, князь.

Невский при упоминании титула отшатнулся и промолчал.

— Но приказ-то отдала, — упрямо возразила Алёна, которая кое-как приняла в себя. — Как мы во всё это вляпались?

Наташа выбралась из воды и сказала:

— Давайте уйдём подальше от этого места. Мне жутко, —

произнесла она. — Что будет дальше?

— Тело найдут, и князь отдаст приказ выловить меня и моих сестёр. Нас будут загонять по лесу, как диких зверей во время охоты. Вся дружина будет с радостью выполнять приказ князя, потому что охота на людей — это ведь так весело, правда?

— А Златослава? — уточнила Наташа.

— О, а тут всё очень интересно! Не хочешь посмотреть? — спросила Алёна, не смея скрыть издевательские нотки.

— Нет, — покачала она головой. Просто расскажи!

— Когда князь увидит бескровное тело друга, то вспомнит, что мы вместе у костра пили кровь. И подумает, что я убила его слугу. Кстати, почему ты так решил, Дань? — деловито повернулась Алёна к бывшему князю.

— Потому что я приказал Мирославу поджидать тебя у землянки на рассвете. Чтобы схватить ведьму, связать и увезти к себе в княжество, — глухо пробормотал он.

— Так вон в чем дело! И ты подумал, что мои сёстры его убили, чтобы уберечь меня от похищения?

— Да, — ответил Невский. — Именно так. У вас был мотив.

— И у меня тоже? Я же в ту ночь была с тобой! — Алёнины глаза блеснули ненавистью, но Даня будто бы не заметил.

— Когда я увидел твои глаза на площади, тогда, перед телом мёртвого Мирослава... Они светились страхом и рассказыванием! — выпалил Невский, пытливо глядя на бывшую же-

ну. — И ты тут же убежала!

— Конечно, я испугалась! Это был твой друг, ты был зол... Но мне не в чем было раскаиваться! — парировала Алёна.

— Ты узнала почерк Северины, ведь так? Она ведь и на шабаш притаскивала кабана с перерезанным горлом, и спускала с него всю кровь. Я права? — Наташа вдруг догадалась, что могла скрывать Алёна.

— Всего на один миг я подумала, что это была она, — прошептала Алёна. — И испугалась за неё...

Все трое дошли до площади, где уже разгорался день. Вокруг, как в ускоренной съёмке, проносились события дня. Вот князь увидел мёртвое тело друга, и обвинил во всём Огнедару.

А вот и Добромысл, заступивший ему дорогу, поспешил напомнить о том, что Яромир не может командовать в чужом государстве.

А вот и Златослава — подносит чарку князю, тайком долив туда зелье из заветного крошечного кувшинчика.

— Всё-таки все хороши, — медленно проговорил Даня, глядя со стороны на всё это действо. — Огнедара не стала сдавать сестру и тем самым подписала смертный приговор всем пятерым. И князю тоже — он ведь выпил зелье и решил жениться назло ей. Златослава захотела обманом завладеть мужчиной, решила не только на колдовство, но и на убийство, хоть её приказ и не достиг цели.

— А Яромир тоже не прав. Во-первых, хотел увезти Огнедару к себе против её воли. Во-вторых, не разобрался как следует, а на эмоциях решил сразу всё и за всех — кому жить, кому умереть, и обрёк себя на существование рядом с нелюбимой, — тихо добавила Наташа. — Всё это очень неправильно...

— А вы заметили, что мы можем здесь не только перемещаться, но и перематывать время? — внезапно сказала Алёна, разрушая нить разговора. — Мы стоим тут всего минут пять, а уже настал вечер, и ведьм уже готовы казнить!

Действительно, площадь заполнил призрачный народ, жаждавший крови.

— Я не хочу на это смотреть, — прошептала Наташа. — Опять смерть!

Алёна взмахнула рукой и «перемотала» время вперёд, остановившись на том моменте, когда хриплый голос Огнедары взлетел над людной площадью:

— Будь ты проклят, Яромир! Пусть будет проклято и твоё семя, и все твои потомки нынешние и будущие! Я невиновна! Ты пожалеешь об этом! Я не оставлю тебя в покое никогда!

Огоньки пламени уже лизали её танцующие руки, и все присутствующие ощутили озноб.

— Я прокляла тебя навечно, — пробормотала Алёна. — Неужели это проклятие действует и сейчас?

Невский не ответил. Он смотрел на костёр, не в силах от-

вести взгляд. Огнедара пела сквозь боль, срываясь на хохот, и танцевала прямо на углях!

— Ведьма будет улыбаться, догорая на костре*, — процитировала Алёна популярную песню из своего времени. На глазах её застыли слёзы. Было безумно жаль эту загубленную жизнь, полную молодости и страсти. Какой она могла стать, если бы не встретила князя!

*Ведьма будет танцевать на поломанном стекле,
Ведьма будет улыбаться, догорая на костре,
С ведьмой больно шутки плохи, не подкидывай ей дров,
А ведьму успокоить способна лишь любовь!*

Когда столб пламени полностью скрыл ведьму, то раздался гулкий хлопок и из центра костра вылетела чёрная ворона, громко прокричав:

— Каррр! — и Невский вздрогнул.

— Проклятая ворона! Она преследует меня!

— Это твое проклятье, Даня, — прошептала Алёна. — Оно преследует тебя везде, потому что действует вечно. Это всё, что осталось от Огнедары...

* «Ведьма», исполнитель НИТА Кауа, автор слов Анна Трофимчук, автор музыки Павел Сергеев, Илья Евсюков, Анна Трофимчук

Глава 14

Карпаты, IV век

— Стойте! А что же случилось с князем и Златой дальше? — задала Наташа мучивший её вопрос, и все переглянулись. Алёна нахмурилась, а потом отрывисто произнесла: — А давайте посмотрим! — и сделала жест рукой, будто перематывает видеоролик.

Перед ними начали сменяться дни и ночи. Вот свадьба — Яромир стоит рядом с княжной перед алтарём. На лице — спокойствие и улыбка. Златослава цепляется за его руку и светится от счастья.

Вот — рождение первенца. Князь сидит возле жены и держит своего сына, а она, ослабленная родами, смотрит на спящего ребёнка и снова улыбается.

А вот и рождение близнецов — сразу две девочки появились на свет, правда их смуглая кожа и чёрные волосы беспокоят молодую мать. Больно уж они похожи на цыганок.

Через несколько лет рождается четвёртый ребёнок — сын. Злата счастлива. Вот только молодой князь всё больше отдаляется. Бродит ночами по лесу, вздрагивает от карканья вороны, и будто ищет чего-то и не находит.

Он всё также преданно смотрит на жену, но той уже не хватает его щенячьего восторга. Вот она устраивает скандал, и Яромир еле уворачивается от летящего в него серебряного

кувшина. А вот он будто не замечает своих детей — и снова уходит в ночь, искать кого-то в тёмном лесу.

Дети растут крепкими и здоровыми, а Злата всё чахнет и чахнет. Не того ждала она от брака. Верная Лукея бежит по окрестностям, но нет больше в округе ведьм — показательная казнь отпугнула всех, кто умел хоть как-то лечить и помогать.

Князь окончательно теряет покой и сон и в один из дней пропадает. Никто не знает, куда он ушёл — просто супруг больше не возвращается. Златослава доживает свой век одна, когда умирает её отец. А дети растут подозрительно похожими на казнённых ведьм — только не хватает одного, рыжеволосого ребёнка. Потому что душа Огнедары в образе вороны летает по небу и карканьем продолжает проклинать всё княжество.

— Ну, вот и всё, — тихо произнесла Алёна и повернулась к остальным. — Мы узнали всё, что должны были?

— Она не хотела, чтобы так вышло, — с горечью произнесла Наташа. — Но, наверное, мы и правда увидели всё.

— И как нам вернуться назад? — прервал молчание Данила. — Надо что-то сказать, что-то сделать?

Они оглядывались по сторонам, но вокруг царила чуждая им жизнь — в мире, где двух из трёх пришельцев уже не было в живых. И эта картинка не спешила рассеиваться — и они недоуменно ждали, когда произойдёт что-то, названия

чему они не знали.

— Есть ещё один сон, — тихо произнесла Алёна. — Судя по всему, никто из вас его не видел. А у меня он был самым первым...

— Какой сон? — Наташа напряглась.

— Тоже про странную древнюю жизнь... Я там была царицей скифов. Или сарматов... Каких-то кочевников. И, судя по всему, тогда-то всё и началось. Я думаю, что без этого сна всё, что мы увидели, будет бессмысленным.

— И что было в том сне? Может быть, нам лучше просто услышать пересказ? — с сомнением произнёс Невский и провёл рукой по волосам.

— А ты что, уже устал? — покосилась на него Алёна. — Я вот не чувствую ни голода, ни желания отдохнуть. Никаких потребностей. Как будто тут нет нас, а настоящие мы в реальном мире.

— А я чувствую себя очень странно, — подала голос Наташа. — Как будто я пришла на экзамен, который не выучила, и сейчас меня спрашивают по полной. И я вот-вот получу неуд.

Алёна с Невским усмехнулись.

— Знаешь, я теперь понимаю, почему ты так себя вёл в прошлом, — внезапно посмотрела она на бывшего мужа и продолжила. — Огнедара, конечно, вертела тобой, как хотела. А Виттория тоже верховодила в следующей жизни. Может быть, ты мне мстил за прошлые грехи? Интересно, месть

и обиду можно перенести в следующую жизнь?

— Можно унаследовать карму. То есть, как ты поступал в прошлой жизни, так и с тобой будет поступать в следующей, — пояснила Наташа. — Возможно, именно это мы все и испытываем.

— Ну, то есть в этой жизни мы должны встретить Жулио и грохнуть его по очереди? — пошутил Невский и получил лёгкий шлепок по руке. Наташа тут же покраснела и отвернулась в смущении. — Ну или я должен приворожить Наташу в ответ.

— Тогда я точно сожгу тебя на костре! — невесело усмехнулась Алёна. — Нет, как-то это не имеет смысла. Если после Огнедары и Виттории я родилась Алёной, но так это не работает. Потому что я должна была родиться Наташиной дочкой, а Данила и правда должен был убить нового Жулио. Не сходится.

— А что тогда сходится? — задумчиво спросила Наташа.

— Сходится только то, что мы втроем. И что мы не смогли быть вместе с Алёной, как ни пытались, — ответил ей Даня. О том, что они были вместе и с Наташей, он тактично умолчал.

— Я хочу это закончить, — Алёна вдруг поднялась и зашагала прочь. — Я хочу домой, в Самару, и больше никогда про вас не слышать. Делайте, что хотите, живите, как знаете. Но — без меня.

Наташа с Даней переглянулись, но за ней не пошли.

— Ну так верни нас домой! — вслед ей крикнул Невский, но она не повернулась.

— Дай ей побыть одной, — прошептала Наташа. — Слишком много свалилось на нас за короткий промежуток времени. Я тоже не успела всё переварить.

Она встала и пошла в противоположную от Алёны сторону.

— Может быть, нам стоит всем троим откровенно поговорить? — занервничал Данила, не понимая, за кем бежать — за бывшей женой или за её подругой. Он остался один посреди леса впервые за последнее время.

Внутри громоздились противоречивые чувства. Слишком сложный клубок по отношению к Алёне. Так до конца и не утолённая страсть по Огнедаре придавала его бывшей жене ореол недоступности и желанности. Отголоски преклонения перед Витторией и её властью не позволяли полностью доверять Алёне — казалось, стоит ему только расслабиться, и он окажется в полной её власти. А это опасно — потому что грозит смертью, как было у Марино.

Наташа... чувства к ней были проще, чем к Алёне, но понятнее не стали. Недоверие к подруге жены тоже ощущалось каким-то роковым — видимо, колдовство Златы отвратило его душу, а смерть Лауры висела тяжким бременем на сердце.

Даня ощутил, какое это благо и проклятие одновременно — не помнить прошлых жизней.

С одной стороны, ты можешь начать заново, с чистого листа. С другой — прошлая жизнь тянет за собой кармические цепи, о которых ты просто не заешь. А если ты очень сильно накосячил в ста прошлых судьбах? Как разбираться с этим сегодня?

Голова пухла от непривычных мыслей. Он никогда не думал о таких вещах, как карма, пока его жизнь не начала разваливаться по кусочкам. Работа, дом, прошлые связи — всё ушло, оставив его у истоков — в родном городе, откуда бежал, сверкая пятками.

И ради чего? Чтобы оказаться в призрачном мире, где он вспомнил о прошлых воплощениях? Как разобраться со всем этим? Что делать с Наташей и что — с Алёной? Как он очутился в этой западне?

Мужики не плачут и не верят в карму. И в порчу. И в приворот. Это всё женская лабуда, которая кажется издалека очень приземлённой и недалёкой. Но когда ты видишь, как послал на костёр ведьму — это очень... отрезвляет.

Мир Огнедары не отпускал. Они застряли тут, и пока не поняли, как выпутаться. Но главное — поодиночке они вряд ли смогут выйти отсюда, значит, нужно искать девочек и мириться.

И он пошёл туда, куда ушла Наташа. Минут через пятнадцать нашёл её у реки — в том месте, где некогда висел с перерезанным горлом Мирослав.

— Натали, — бодро позвал он и осёкся, услышав, как пре-

увеличенно бодро звучит его голос. — Ты как?

Она не реагировала, упорно глядя на воду.

— Поговори со мной, — попросил Данила и сел в метре от неё, опустив в холодную воду ступни ног.

— О чём? — равнодушно отозвалась она.

— О нас, — просто сказал Невский и посмотрел на неё.
— Без этого мы не сможем пойти дальше.

— А куда дальше? И зачем? — Наташа всё также не смотрела на него, вертя в руках веточку. — Я не буду стоять у вас с Алёной на пути. Понятно же, что когда мы разберемся со всем этим, вы исчезнете из моей жизни.

— Я в этом не уверен, — с сомнением сказал он и впервые искренне сказал: — Я не знаю, будет ли мы вообще видеться с кем-либо из вас.

— Тогда о чём нам говорить? — попыталась уйти от темы Наташа, но было поздно: Невский увидел, как пульсирует жилка на её виске и каким жаром покрылись щёки.

— О том, чего я не замечал. О твоих чувствах, — сам не понимая почему, выпалил он.

Но Наташа, вместо того, чтобы открыться, вскочила на ноги и закричала:

— О каких чувствах, Даня?! Ты вообще о чём? Зачем тебе это знать? Потешить твоё мужское самолюбие? Так ты вроде женским вниманием не обижен, от одиночества не страдаешь! Зачем тебе мои откровения?

Невский вскочил следом за ней, опасаясь, что она снова

уйдет, и схватил её за запястья, приблизив лицо:

— Я о том, почему ты вообще меня поцеловала тогда, в квартире, когда привезла кошку?

Наташа закрыла глаза, будто бы ей больно было смотреть на мир. Потом, помолчав, посмотрела ему в лицо и сказала:

— Потому что я была влюблена в тебя с самого начала. Потому что мне сорок лет, и я решила, что если не попробую, то никогда себе не прощу. Ты вновь вернулся в мой город, и формально был свободен. Потому что я знала, что ничего у тебя с Алёной не получится. Потому что всегда, когда тебе нужна чья-то помощь, ты мчишься ко мне... И потому что я больше не могла думать ни о чём другом.

Она закусила губу, глядя в его лицо, и горячая слеза потекла из её правого глаза.

— Я должна была проверить, что чувствуешь ты. И у меня никогда не было ночи лучше, чем эта.

Невский, подавшись вперёд, обнял её и позволил спрятать лицо у себя на плече.

— Я чувствовал, что нравлюсь тебе, — наконец, проговорил он. — Но я нравился всем и всегда. И думал, это несерьёзно!

— О да, самодовольства тебе не занимать. И всё же в любовных делах ты туп, как пробка!

Наташа высвободилась из его объятий и добавила:

— Больше я такой ошибки не допущу. Никаких встреч, поцелуев и романтики, пока ты сам не определишься, что же

тебе нужно. Потому что я никогда не прощу себе предательства Алёны, и потому что я сама собираюсь изменить свою жизнь, как только мы вернёмся домой. Считай, что я просто закрыла гештальт!

Невский улыбнулся и с удивлением смахнул слезу со своей щеки. Сердце непривычно щемило, и Наташа казалась такой трогательно-беззащитной, что хотелось её обнять и баюкать, как младенца. Но он сдержался.

— Натали, пообещай мне, что как только тебе понадобится помощь, ты сразу же обратишься ко мне. В любой момент.

— Эй, Невский, это ты обычно бежишь ко мне, если что-то случается! Как с твоей кошкой, — и она улыбнулась. — Давай просто попробуем пережить это приключение и избавиться от прошлых иллюзий. Я очень хочу перестать жить прошлым и построить уже свою жизнь так, как я даже не мечтала — точнее, не позволяла себе даже представить. Вот просто с нуля!

Он кивнул, улыбнувшись. И добавил:

— Давай я найду Алёну и мы вместе встретимся на главной площади. Надо что-то делать, пока мы не застряли тут навечно.

Натали кивнула и молча пошла по направлению к площади, когда Невский зажмурился и пожелал быть там, где сейчас находится Алёна.

Она стояла у землянки Огнедары и задумчиво осматривала завалившееся набок жилище. Было видно, что за доми-

ком не ухаживали — скорее всего, из-за наложенных чар на него просто никто не натыкался, или прохожие вовсе обходили стороной.

Алёне очень хотелось навести тут порядок — отпереть покосившуюся дверь и обновить дёрн, который засох на крыше строения. Посмотреть, что за травы остались запёртыми в землянке и вдохнуть их особый аромат. Но призрачное строение не слушалось её рук, и она вздохнула.

— Скучаешь по ней? — спросил Невский, который замер неподалёку.

— Да! Это была великолепная жизнь! Я чувствовала себя такой могущественной, такой счастливой! — вздохнула Алёна. Впервые за всё время в её голосе не было ни упрека, ни издёвки.

— Ты была прекрасна, — согласился Невский и подошёл сзади, обняв Алёну за плечи. — Прости меня!

— За что? — она быстро обернулась и смирла его ясным взглядом.

— За то, что погубил тебя. За ревность и недоверие. За то, что сразу поверил в предательство. Ты не представляешь, как больно мне было, когда я понял, что это ты причастна к смерти ни в чём не повинного человека...

Алёна отшатнулась, но Невский схватил её крепче и пробормотал:

— Вернее, я так думал. Не убегай, Алён!

Она уткнулась лбом ему в плечо и глухо пробормотала:

— Это всё проклятье...

— Нет, твоё проклятье тогда еще не случилось! — возразил Даня.

— Я не про него! Есть ещё одно проклятье, о котором ты забыл. Да и я тоже. И тебе нужно это увидеть, — с горечью пробормотала Алёна. — И не спеши просить прощения, пока не увидел всё своими глазами. Нам нужно идти дальше, туда, где всё начиналось...

Невский заглянул в глаза бывшей жены и увидел там глубокую грусть.

— Ты про свой первый сон? — спросил он, уже зная ответ.

— Да. Если уж побыстрее раздвигаться с тем, что нас связывает, то с самого начала. Хотя мне, если честно, страшно...

Невский взял её за руку и сказал:

— Давай тогда просто побудем рядом, перед тем, как заглядывать в новые тайны. Мне тоже не по себе.

Они сели на траву, воскрешая в памяти моменты, которые прошли в этой землянке. Души обоих болели и рвалась на волю, в настоящую жизнь, чтобы вновь упасть в спасительное забытие. Но память прошлых жизней уже открылась перед ними, и от правды уже нельзя было отмахнуться. Какой бы безжалостной она ни была.

Жаркий луч солнца упёрся прямо в глаз и пришлось отвернуться, чтобы не сжечь себе сетчатку. Но открывать его

всё равно не хотелось — потому что вдруг оказалось, что лежать на одном боку, обнимая тёплое женское тело, очень уютно.

Невский поморщился — что-то было не так. Что-то ухало и стонало вдалеке, создавая ровный шум. Он всё же поднял веко и почти что ослеп — жаркое солнце посылало убийственные лучи на землю ровно над ним.

Следующее, что он увидел — это открытое пространство, состоящее из выжженной земли и колючего зноя. Высушенные насмерть растения навсегда застыли в одной позе, выставив во враждебный мир сухие колючки. Это была степь.

Сзади почувствовалось движение — Алёна приподнялась на локте и охнула.

— Началось, — пробормотала она. — Мы перенеслись в мой самый первый сон. И... прости меня заранее, пожалуйста.

— Мы что, в степи? — недоумевающе осматривался Невский. — Где?

— По моим прикидкам, мы где-то в Причерноморье и здесь сейчас какой-то век до нашей эры. Кочуем туда-сюда, — попыталась неловко пошутить Алёна.

— Так, и что нам делать? — пытался сообразить Даня, потирая глаза. Он не помнил, как они вчера уснули и как перенеслись сюда. — И где Наташа?

— Я думаю, что она неподалёку, — пробормотала Алёна. — Да и тут, в степи, не спрячешься.

Внезапно они услышали странный звук — земля словно гудела под копытами, которые выбивали ритмичную дробь. Три всадника показались на горизонте в облаке пыли — и казалось, будто низкорослые лошадки плыли над маревом, неся на своих спинах невесомый груз.

Когда кавалькада приблизилась и с криками радости во-
рвалась в солёное тёплое море, Алёна охнула:

— А вот и я!

Верхом на вороном жеребце сидела смуглая девушка, тонкая, как стебелёк травы: чёрные косы, во множестве покрывавшие точёную голову, били её по спине в такт ударам копыт о землю. Бусы из ракушек и красных камушков болтались на шее, а в причёску воткнуто жёсткое бело-серое перо. Чуть поодаль за ней держались две девочки помладше — но у каждой уже было по кривому ножу на поясе и луки с запасами стрел в колчане.

Выглядели они как три мелкие дикие кошки, с наслаждением ныряющие в морскую волну — зрелище редкое и экзотическое. Невский засмотрелся на них, и ему тоже захотелось искупаться.

— Ну что ж, Алёна, приятно познакомиться, — пробормотал он.

— Арга, — поправила его бывшая. — Меня тут зовут Арга.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.